К 26 8/103

Ф. БЛУМЕНТАЛЬ

К 26 8/103

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА БУРЖУАЗИИ К ВОЙНЕ

1929
МОСКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ГОСИЗДАТА РСФСР
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ

Ф. БЛУМЕНТАЛЬ

К 26

32
Б 70

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА БУРЖУАЗИИ К ВОЙНЕ

МОСКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСИЗДАТА РСФСР
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1929

1(28)

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ПОЛИГРАФИЧЕСКАЯ
ШКОЛА ФЗУ
имени товарища
БОРЩЕВСКОГО
Мосгублит № 54.430.
Тираж 10.000 экземпляр.

БИБЛИОТЕКА Г.И.М.
№ 4.104
12 - II 1930 г.

Посвящается замученным и казненным солдатам-революционерам, оставшимся в угаре империалистской бойни верными классовым задачам мирового пролетариата

ПРЕДИСЛОВИЕ

Обостряющаяся военная опасность заставляет нас особенно внимательно присматриваться к тем *политическим средствам войны,* с которыми буржуазия собирается выступить как против СССР, так и в драке в собственном лагере. Цель настоящей брошюры — дать в руки читателя и агитатора *конкретный материал,* показывающий, *как и что именно буржуазия подготавливает* к будущей войне, чтобы быть крепкой и не потерпеть поражения на самом для нее уязвимом участке борьбы — *на арене политической борьбы.*

Стало общим местом, что в мировой войне и послевоенной борьбе за свое господство буржуазия многому научилась, что она *обманом* и *насилием* пытается удержать под своим влиянием трудящихся и повести их снова в бой. Но сейчас пора от этой общей постановки вопроса перейти к детальному рассмотрению *методов и принципов* буржуазии в этой политической под-

готовке к будущей войне. Это полезно в двух отношениях: во-первых, чтобы внести в нашу агитацию необходимую конкретность и доказывать *на фактах* правильность наших принципиальных решений и общих положений в вопросах обороны и войны, во-вторых, чтобы вооружить рабочий класс и трудящихся нашей страны на случай войны *знанием и пониманием* механики буржуазной политической борьбы с целью *разоблачения* этой механики и успешного противопоставления ей нашего классового, коммунистического просвещения.

Иными словами, данная брошюра преследует задачу показать читателю политические «ресурсы» наших классовых врагов. *Мы будем драться огнем и классовой правдой.* Для первого средства борьбы нужны не только боевая выучка и техника, но и знание техники, боевых порядков и тактики наших врагов. Для второго средства борьбы нужны не только классовое сознание и беззаветная преданность октябрьским завоеваниям, но и знание политической тактики врагов и противоречий в их стане. Нам надо знать все политические «плюсы» и «минусы» наших врагов, надо знать, какими мерами и какими средствами буржуазия ныне укрепляет эти плюсы, ослабляет свои минусы. От этого будет в известной степени зависеть и наша тактика политической борьбы.

Естественно, что разрешить поставленную нами задачу нелегко, ибо у буржуазии есть все основания (как и во всей военной подготовке) скрывать свои политические планы и подготовительные действия. Вот почему мы сегодня еще не имеем ясной, подробной и вполне конкретной картины этой подготовки. Но все же по отдельным, иногда отрывочным признакам, документам, речам и статьям можно определить многое.

К этому нужно прибавить *опыт мировой войны,* которая, как никакая другая война, потребовала особенно широкого применения политических средств борьбы. Надо лишь *суметь этот опыт проанализировать применительно к условиям современного капитализма.* Это тем более легко, что, так сказать, научная разработка вопросов политической подготовки к будущей войне обычно выходит на свет божий под соусом отвлеченного, «чисто исторического» изучения опыта империалистической войны 1914 — 18 гг.

Но есть еще один весьма верный источник. Это — вся текущая политическая деятельность буржуазии, направленная на укрепление своей власти и внешне как будто не связанная с какими-либо военными задачами. Мы имеем в виду действия и шаги для «завоевания» профсоюзов, всю просветительно-пропагандистскую «мирную» деятельность для укрепления национального

единства, патриотизма и пр., чем повседневно занимаются буржуазия и социал-демократия. Из всей этой деятельности надо суметь сделать необходимые военно-политические выводы, ибо каждое завоевание буржуазии для своего господства на фронте классовой борьбы есть одновременно и военно-политическое завоевание.

Две оговорки. Первая: мы заранее заявляем, что приведение большого количества цитат, отрывков и пр., проделано нами совершенно умышленно. Лучший способ помочь читателю разоблачить буржуазию—дать, на ряду с нашим анализом и самые мысли и документы разоблачаемых. Вторая: некоторые из материалов и отдельных наших положений (главным образом по I и II главам), мы уже публиковали (во вступительной статье к книге К. Стюарта «Тайны дома Крю» и в вводной главе к книге «Буржуазная политработа в мировую войну»). В настоящей брошюре мы значительно расширили рамки темы, дополнили рядом новых материалов и попытались дать весь вопрос о политической подготовке буржуазии к войне в систематическом изложении.

Автор.

ГЛАВА I

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА КАК СРЕДСТВО ВОЙНЫ

Тысяча девятьсот четырнадцатый

„Гром победы, раздавайся!"

Буржуазия начала мировую войну не с плохим морально-политическим состоянием своего тыла. Массы трудящихся в большинстве своем дали себя увлечь шовинистическими лозунгами. Смолкла, правда, на время, открытая революционная борьба. В патриотическом угаре еле слышны были одиночные голоса оставшихся верными революционным заветам борцов. Миллионы послушных рабов стали под военные знамена, миллионы рабочих и крестьян усилили свою производительность труда *во имя победы «своего» буржуазного отечества.*

Первые месяцы войны прошли под знаком головокружительных победных мечтаний, человеко-

ненавистничества в отношении врагов, «трогательного» единства масс с властями. Отложены были в сторону вчерашние споры оппозиционных фракций в парламенте, прекратились претензии к предпринимателям, даже непосредственно боевые действия на фронте классовой борьбы против капитала как водой смыло (например, в Питере).

Буржуазия с облегчением вздохнула. Ее опасения рассеялись. Она пожала богатейший урожай— ее многолетняя политическая обработка масс при помощи искусно построенного аппарата угнетения дала сверхприбыль. Социал-демократия оказалась милым ягненком, больше того — рога этого ягненка оказались сильным орудием для борьбы *в пользу* буржуазии. Страшный, таинственный и приносивший до войны столько огорчений *рабочий* также оказался «не так страшен, как его представляли». Вот в каких словах немец профессор К. Дельбрюк выразил свое «восхищение» таким сюрпризом:

«Весь набор антигосударственных фраз разлетелся (голосование социал-демократии 4 августа 1914 г.), как дым, «международный пролетариат» оказался просто мифом; в один момент маска была сорвана, и оказалось, что она закрывает честное лицо немецкого рабочего, не желавшего ничего иного, как сражаться бок-о-бок с остальными соотечественниками, когда родина его к этому призвала. До 1870 г. мобилизация во многих ме-

стах сопровождалась применением насилия, это имело место даже в 1913 г., а на этот раз не произошло ничего подобного. И причина этого в том, что в настоящее время каждый германец, так сказать, организован и слушается своей организации; и раз эти организации действуют заодно с государственной властью, то и создается та грандиозная мощь, которая проявилась перед нами во время этой мобилизации» [1].

Какие были причины, что так себя повел и немецкий, и русский, и австрийский, и французский, и английский и другие рабочие?

Одна из главных причин этого — тот исторический этап, которого достигла к 1914 г. социал-демократия. Без глубочайшего оппортунизма последней, без ее перерождения из революционной силы в контрреволюционную, буржуазии не собрать было бы под свои знамена рабочие и трудящиеся массы. Эпоха «мирного» процветания капитализма — предпосылка для колоссального политического успеха буржуазии всех стран в начальном периоде империалистической войны.

В. И. Ленин так определяет это явление:

«Объективные условия конца XIX века особенно усиливали оппортунизм, превращая использование буржуазной легальности в раболепство перед ней, создавая маленький слой

1 „Прусский ежегодник", сентябрь 1914 г.

бюрократии и аристократии рабочего класса, привлекая в ряды с.-д. партий много мелкобуржуазных «попутчиков».

Война ускорила развитие, превратив оппортунизм в социал-шовинизм, превратив тайный союз оппортунистов с буржуазией в открытый. При этом военные власти повсюду ввели военное положение и намордник для рабочей массы, старые вожди которой почти поголовно перешли к буржуазии» [1].

И в результате: многодневные патриотические манифестации, аккуратная и восторженная явка мобилизованных, погромы и избиения «шпионов», «национальных врагов», голосование «социалистов» за военные кредиты, всяческие иные выявления верноподданических чувств и готовности биться до победного конца.

Успех был обеспечен. Буржуазное господство — с первого взгляда — не только не ослабло и не пошатнулось от перехода к войне, но, *как будто*, наоборот, даже окрепло...

Как шла подготовка к мировой войне

„Никогда так много не врут, как перед войной". *Бисмарк.*

Откуда же взялась эта сила? Только ли благодаря социал-оппортунистам? Что делала буржу-

[1] В. И. Ленин. Социализм и война, т. XIII. стр. 103 (в нов. изд. т. XVIII).

азия *на ряду с подкупом и приручением к себе социалистов*, чтобы закрепить и политически обеспечить свой тыл на случай войны? Подготовкой «душ» и «сердец» трудящихся к войне буржуазия систематически заставляла заниматься все свои аппараты идеологического воздействия на массы: школу, церковь, науку, печать, суды, обучение в армии; все средства и орудия, которыми располагает буржуазия, занимались осуществлением этой задачи.

Не следует понимать так, что политической, «идейной» подготовкой к войне все эти инструменты классового господства занимались как-то изолированно, обособленно от своей обычной «мирной» работы. Постоянной и повседневной задачей всех инструментов государственной власти буржуазии (армия, школа и пр.) являлось (и сейчас является) всемерное укрепление *буржуазного господства*. Чем больше укреплялось это господство, чем больше рабочий и трудящийся, «не за страх, а за совесть» подчиняли свои интересы интересам своих господ, тем больше буржуазия укреплялась на случай войны.

Специально патриотическое одурманивание масс могло дать свои результаты *только на основе такого укрепления господства буржуазии*. С детства — в школе, церкви, через газету, журнал, литературу, дома, на улице — «верноподданного» окружала атмосфера шовинизма. И в ре-

зультате — пушечное мясо (солдаты) и тыл были идейно во власти буржуазии.

Так, *рука об руку с социалистами и профбюрократами,* буржуазия смело шагала к войне. И чем ближе к войне, тем напористее, искуснее, шире становилась патриотическая пропаганда. Недаром Бисмарк говорил, что «никогда так много не врут, как перед войной». Годы 1911, 1912, 1913 и первая половина 1914 были годами самого безудержного обмана масс. В воздухе уже чувствовался угар — предвестник мирового побоища. На Балканах (1912 г.), у холопов уже чубы трещали, ибо господа (Франция, Германия и др.) уже дрались, но дрались еще пока в дипломатических цилиндрах и фраках.

В эти годы, на базе идеологического и государственного господства над трудящимися, буржуазия каждой страны особенно усиленно готовила и поднимала боевой, воинственный дух своего населения. Никогда прежде не выпускалось столько ура-патриотической литературы, никогда цари, короли, президенты, генералы, дипломаты, попы, кардиналы, профессора, поэты, художники, скульпторы не произносили столько воинствующих речей, не открывали столько патриотических памятников, не писали столько шовинистических статей, драм, стихов и пр., как в эти годы.

Пружина закручивалась крепко. И первый формальный сигнал—*событие в Сараеве, убийство* ав-

стрийского эрцгерцога и прочие поводы для откровенного призыва к немедленной войне в странах будущих врагов — привел в движение эту пружину. *Обманутые массы пошли за своими господами.* Но надолго ли и с достаточной ли энергией?

Размах войны превзошел все ожидания

„Готовясь к небольшой войне, генеральный штаб произвел и крошечную мобилизацию".

Серриньи [1].

„Мобилизация людей и средств оказалась недостаточной. Потребовалась мобилизация мнений".

Г. Ласвель [2].

Буржуазия, однако, не совсем *довольна своими политическими достижениями* в империалистической войне 1914—1918 гг. И «победители» (Англия, Франция, Америка, Италия и др.) и «побежденные» (Германия, Австрия) усиленно изучают политический опыт этой войны не ради отвлеченного исторического интереса к нему, а ради чисто практических задач. Они хотят свою подготовку к будущей войне проводить с учетом прошлых

---

[1] Ген. Серриньи, Размышления о военном искусстве. Перев. с франц. Л. Военное издательство ЛВО, 1924 г.

[2] Г. Ласвель, Техника пропаганды в мировой войне. М. Л. Гиз. 1929 г.

ошибок и недочетов. А изучают они не мало. Нужно прямо сказать, что политический опыт прошлой войны изучается с такой же тщательностью, как и ее оперативно-тактический и технический опыт. Для этого написаны, и сейчас еще пишутся, десятки исследований, созданы при ряде университетов *специальные научные кафедры*, вводятся специальные предметы в военные академии и школы ряда стран. Так, например, по свидетельству Ласвеля [1] «Университеты стали открывать курсы, лекции по новейшей технике (пропаганды), а в Штутгарте, Париже, Лондоне и Станфорде были собраны значительные коллекции по разным вопросам военной пропаганды».

Чем же недовольна буржуазия? Ответ прост: она недовольна Октябрем, недовольна революцией в Германии, она недовольна непосредственно-послевоенным обильным дождем свергнутых царских и королевских корон. Она недовольна восстаниями во время войны ряда частей, ослаблением воинской дисциплины, рабочим движением, вновь поднявшимся, как только рабочие начали просыпаться от патриотического дурмана,— и пр.

Капиталисты недовольны также и тем, что (в одних странах больше, в других меньше) всем им пришлось пережить *животный страх* за возмож-

[1] Г. Ласвель, Техника пропаганды в мировой войне. В дальнейшем при упоминании имени Г. Ласвеля имеется в виду эта же книжка.

ность утери своего господства, а в одной шестой части света и *по-настоящему и уже навсегда потерять это господство.*

Буржуазия не может простить себе этой слабости. К будущей войне она хочет устранить эти осложнения. Она не хочет больше видеть и слышать о революциях во время войны, о матросах Марти на своих флотах, о революционных братаниях на фронте.

Военные писатели буржуазии достаточно трезво оценивают сейчас *главную причину* политических поражений, осложнений и трудностей. Эту причину они видят в том, что ***никто из них не ждал того действительно невиданного размаха войны,*** а отсюда и тех грандиозных политических проблем, которые эта война выдвинула. Перед лицом этих неожиданных для самих инициаторов, организаторов и руководителей войны задач политическая подготовка масс оказалась далеко недостаточной. Пружина в иных, более слабых странах, лопнула, в иных — начала давать перебои. Возьмем хотя бы такую важнейшую проблему, как «единство масс» и полное признание ими целей войны. Была ли буржуазия подготовлена к такому размаху пропаганды, который вызывался условиями мировой войны? Нет. То, что буржуазия подготовила и «накопила» (в смысле политического состояния и настроения трудящихся масс), все же оказалось недостаточным.

Посудите сами, каких колоссальных усилий и напряжений всего государственного аппарата потребовали те *многомиллионные людские массы*, которые война вовлекла через многочисленные мобилизации в огонь борьбы:

Мобилизовано в ряды армии (за все время войны)

В какой стране	Численность армии в мирное время (до мировой войны)	Мобилизовано за 1914—18 гг.
В Германии	870.000	14.000.000
„ Австро-Венгрии .	450.000	9.000.000
„ Франции	885.000	13.100.000
„ Англии	280.000	8.700.000
„ России.	1.423.000	17.568.000
„ САСШ	100.000	3.800.000
Всего. . .	4.008.000	65.158.000[1]

В ряды армии по этим 6 странам пришлось мобилизовать *65 миллионов человек*. Притом не таких, которых по 2-3 года муштровали в казар-

[1] Эта цифра колеблется у разных исследователей от 60—65 млн.

ме, а стариков и молодежь, мало обработанных и отшлифованных офицерским аппаратом.

Или возьмем цифры людских потерь [1]:

	Убитые и пропавшие без вести	Тяжко изувеченные (до потери трудоспособности)
Германия	2.000.000	1.587.000
Россия	1.700.000	755.000
Австро-Венгрия	1.542.000	—
Франция	1.400.000	1.500.000
Италия	750.000	800 000
Англия	744.000	900.000
САСШ	68.000	157.000
Итого	8.224.000	5.649.000

А по всем странам — около 10 миллионов убитых. И с легкими ранениями и болезнями — еще 20 миллионов человек. Вдумайтесь, как это должно было отразиться на настроениях тыла.

И, наконец, размах *экономический*. Об этом говорят следующие цифры, не включающие в себя ни стоимости разрушений, ни материальных потерь населения, ни тех экономических потерь, которые сказались после войны (потеря рабочей силы, понижение урожайности и т. д.). Эти циф-

---

[1] Е. Тарле, Европа в эпоху империализма 1871—1919 гг., стр. 461.

ры [1] говорят только о том, в какие долги залезли правительства, чтобы четыре года под ряд пускать на ветер металл, одевать и кормить армию, содержать военную промышленность и т. д.

Долги государств

	В 1914 г.	В 1919 г.
	(в миллионах долларов)	
Великобритания . . .	3.458	36.457
Франция	6.598	30.494
Италия	2.632	12.177
Россия	5.092	67.362
	(долги царского правительства)	
Соединенные штаты.	1.208	23.267
Германия	1.165	38.531
Австрия	3.277	17.072
Венгрия	1.989	8.707
Турция	667	1.823
Итого . . .	26.086	235.890

Вдумайтесь и в эти цифры. Ведь эти долги (как внешние, так и внутренние) фактически оплачиваются населением, ибо только трудом рабочих и крестьян создаются средства в государственной казне.

---

[1] Е. Тарле, Европа в эпоху империализма 1871—1919 гг. стр. 461.

За 4 года эти долги *выросли в 10 раз*. О чем говорят все эти цифры? Они говорят о том, что *война неминуемо должна была вызвать большие политические потрясения в стране и в армии*.

«... Четыре года империалистской бойни не прошли даром. Обман народа негодяями обеих групп разбойников — и английской и немецкой — разоблачен до конца неоспоримыми и очевидными фактами», писал В. И. Ленин в августе 1918 г. [1].

Революционизирующее влияние войны, недостаточную «сопротивляемость» обманутых рабочих и трудящихся этому влиянию и ставят себе больше всего в вину буржуазные «исследователи» мировой войны (исследователи в кавычках, ибо это практики-организаторы будущей войны).

Пропаганда, как ее проводили до войны 1914—1918 гг. и как ее мыслили для войны вообще, т. е. вся *система политического околпачивания и одурачивания масс не соответствовала тем колоссальным переживаниям и потрясениям, которые вызвала к жизни война*. Приходилось «на ходу», опытным путем, зачастую плетясь в хвосте событий, искать и находить новые пути и масштабы этой пропаганды.

---

1 В. И. Ленин, Письмо к американским рабочим, XV том, стр. 374.

Крупные организации для пропаганды в своей стране и армии и в рядах врагов, широкая система осведомительной работы печати, массовое военно-политическое воспитание в армии и школе и т. д. — все это появлялось *во время самой войны,* часто по частной инициативе, случайно, а иногда и в результате предварительной и ожесточенной борьбы разных мнений и групп.

И немцы, и англичане, и французы, в основном сходятся в оценке опыта мировой войны. Они подошли к этой войне в общем с неплохим «тылом» (в политическом отношении). Государственный и общественно-политический аппараты накопили в массах немало политического «капитала», который с первых же дней войны начал давать большие проценты в форме порыва, упорства, храбрости, послушания со стороны солдат — от темного крестьянина до социалиста-рабочего.

Но этого капитала *явно нехватило.* Война съела значительную часть «основного капитала». Началось не только *ослабление упорства,* храбрости и послушания. *В порядок дня стал весь вопрос о целях войны,* о незаинтересованности в них рабочего, о господстве буржуазии.

Вот откуда *такое лихорадочное изучение нашего опыта,* учет ошибок в своем собственном опыте, вот почему буржуазия всесторонне изучает будущую войну не только со стороны ее технических задач, но и политических.

Пропаганда — организация — принуждение

„Пропаганда — это уступка способности современного мира рассуждать". *Г. Ласвель.*

„Государственный муж должен будет прибегать к насильственным мерам". *Ф. Бернгарди*[1].

Три политических средства имеет буржуазия, чтобы заставить трудящиеся массы выполнять волю своих господ. Это — *политическая пропаганда, организационно-политические меры и меры принуждения.* В какой пропорции находятся у буржуазии эти три средства?

Буржуазия до поры до времени *предпочитает* первое средство двум остальным. Она *мечтает* о таком положении, когда ее приказания и желания исполнялись бы массами *по доброй воле, по убеждению, не за страх, а за совесть.* Вот почему самым «милым» и «излюбленным» средством является *пропаганда.* Но «излюбленным» средством пропаганда бывает вынужденно. О, если бы люди слушали своих господ механически, не рассуждая! Если бы можно было приказать воевать против кого и когда угодно буржуазии, и массы знали бы на это только один ответ: «слушаюсь!»

---

[1] Ф. Бернгарди. О войне будущего. Гиз, 1921 г.

Но, «к сожалению», этого нет. Воюют, производят военное снаряжение, перевозят войска не механические автоматы, а живые люди, трудящиеся, к тому же научившиеся в наш век «рассуждать». Вот почему: «*пропаганда — это уступка способности современного мира рассуждать. Гораздо более может быть выиграно обольщением и обманом, чем принуждением*». Так говорит Г. Ласвель.

Раз массы «рассуждают», пытаются иметь свое мнение, то надо это мнение *так* обработать, чтобы оно не противоречило, а, наоборот, *служило* интересам буржуазии.

Это в равной степени относится во время войны как к стране и армии противников, так и к своей стране и армии.

Сила, т. е. военная техника, боевая выучка и умение воевать, должна быть дополнена *пропагандой.* Убежденный в своей правоте солдат сопротивляется сильнее. Поколебленная в своей вере армия легче поддается панике, ее легче побеждать в бою и, в конечном счете, сломить сопротивление. Поэтому, например, Г. Ласвель делит орудия борьбы с неприятелем на: «*а) военный нажим,* т. е. действия сухопутными, морскими и воздушными вооруженными силами страны; б) *экономический* нажим, т. е. учинение препятствий к увеличению противником своих ресурсов, к расширению им своих рынков и к притоку капиталов

и рабочих рук; в) *пропаганда,* т. е. непосредственное применение внушения».

Такого же мнения держится и белогвардейский писатель Миляницкий, который недавно в «Руле» писал следующее:

«Военное искусство знает три способа воздействия на противника, или три метода стратегии:

1. *Стратегия сокрушения* — это Канны Ганнибала.

2. *Стратегия истощения* — это метод Китченера и Фоша.

3. *Стратегия разложения,* которая стремится использовать какие-либо национальные или социальные противоречия в стане врага, или же ошибки его политики — с целью вызвать расслоение и упадок духа в его рядах. Такой метод действий во время мировой войны не без успеха применяла Англия по отношению к Германии, сея во всем мире пропаганду против германского милитаризма, или Россия против Австро-Венгрии, разлагая армию последней, пеструю в отношении национального состава. Однако высшее свое развитие этот метод получил во время гражданской войны в России, сделавшись наиболее мощным оружием красных армий. В будущем следует ожидать применения этого вида стратегии по отношению ко всем государствам, имеющим уязвимые для пропаганды точки».

Конечно, по отношению к противнику *пропаганда не является единственным политическим средством* в руках буржуазии. На ряду с этим применялись и будут применяться меры организационно-политического характера — посылка и вербовка *своих* сторонников, завоевание на свою сторону нейтральных стран, тайные способы работы и т. д.

Так соединяются для одной цели *средства пропаганды, средства принуждения* (непосредственная кровавая борьба и экономическая блокада) и *средства организационного порядка.*

И внутри своей страны сочетаются эти же три средства. Пропаганда, хотя и сильнейшее средство, но не единственное. Чтобы проводить пропаганду и чтобы иметь гарантию на случай ослабления ее эффективности, *нужны верные люди, кадры.* Чтобы подхлестывать обманутые массы и не дать им проснуться, имеются в резерве *средства принуждения* — суды, полиция, наказания, штрафы, казни.

Пряник и плетка, крест и маузер — основные атрибуты буржуазии, чтобы гнать массы на войну.

Опыта в сочетании этих средств у буржуазии достаточно. Правда, послевоенная литература *больше всего говорит о пропаганде.* Одни («победители») хвастаются своими успехами, другие («побежденные») разыгрывают казанских сирот.

заявляя, что коварный враг победил не силой оружия, а обманом и ложью. Об организационных мерах (подбор кадров, создание специальных политических организаций и пр.) говорится осторожнее и меньше. И, наконец, почти ничего не говорится о тысячах казненных, сосланных, осужденных, замученных на каторге, в штрафных частях, запоротых — о тех, которые не поддавались пропаганде, которые «рассуждали» не так, как им подсовывала пропаганда господ, а как им подсказывало их классовое сознание. Об этих методах политического воздействия на массы пока знают только секретные архивы, секретные приказы и инструкции для нужд будущей войны да тюремные камеры — немые свидетели кровавых расправ.

Конкретные цели политической борьбы во время войны

„Может случиться, что (во время войны) подымет свою голову социальная революция".

Г. Ласвель.

К чему же стремится буржуазия, пуская в ход на ряду с чисто военными средствами борьбы и политические? Буржуазия ставит перед собою две самостоятельные и весьма важные цели. *Первая—это* создание боеспособности своих армий

и тыла; *вторая — это политическое разложение армии и тыла противников.*

Что означает в современных условиях боеспособность армии и тыла в капиталистической стране? Это означает, что в такой стране для успешности ведения войны необходимо создать всеми средствами и во что бы то ни стало *полное единодушие во всем населении страны.* И это означает, что необходимо как можно скорее и основательнее *нарушить политическое единство масс и господствующего класса в стране противников.*

Мы уже подчеркивали, что история дала буржуазии много поучительных уроков того, какая колоссальная опасность грозит господству буржуазии, если ослабевает, нарушается это единство в собственной стране.

Вот как выражают эти опасения ряд военных писателей.

Полковник Фуллер пишет: «*Современная война, начатая при наличии бунтующей и разделенной на части базы, в скором времени привела бы к параличу любое правительство*». Вот почему «фактически главной причиной, объясняющей оттягивание правительствами объявления войны нападающему на них противнику, является то обстоятельство, что правительства желают быть уверенными, что нации, которые они представляют, от всего сердца поддержат их».

Или Г. Ласвель: «Правительства Западной Европы никогда не могут быть уверены в том, что сознающий свои классовые интересы пролетариат их страны откликнется на их призыв к войне. Уже до 1914 г. рост социал-демократии в Германии, мода на антипатриотизм во Франции и восходящая звезда рабочих в Англии вызывали опасения правящих классов. Открыто предсказывалось, что мобилизация может оказаться парализованной общей забастовкой, а может случиться, что подымет свою голову и социальная революция». И в другом месте: «Никакое правительство не могло бы надеяться выиграть войну, не имея за собой объединенного в одно целое народа, и никакое правительство не могло бы иметь за собою объединенного народа, если бы оно не управляло настроением его умов».

Итак, политическая деятельность правительства и всех его организаций во время войны и в деле подготовки к ней стремится *создать из своей страны единый организм*.

Есть много причин и условий, которые отрицательно влияют на политическое единство и боеспособность страны. Немецкий писатель Зессельберг[1] приводит список таких причин, включая в него больше сотни пунктов. Наиболее важные из них: 1. Слухи о недостаче основных материа-

[1] Зессельберг, Позиционная война (на немецком языке).

лов для производства огнеприпасов (ноябрь 1914 г.). 2. Колебания в вопросе о подводной войне. 3. Оппозиционные выступления с.-д. летом 1917 г. 4. Измена чешских полков на восточном фронте (австро-русском). 5. Два неурожайных года под ряд. 6. Английская блокада. 7. Ухудшение продовольственного положения. 8. Отсутствие в Германии диктатора по типу Клемансо и Ллойд-Джорджа. 9. Измена Италии. 10. Неудачи под Верденом. 11. Слухи о массовых транспортах с ранеными. 12. Нетвердость в вопросе о Польше. 13. Отсутствие острой вражды к Англии. 14. Натравливание марксистов на крестьян. 15. Допущение дискуссии об избирательном праве. 16. Забастовки и деятельность большевиков. 17. Недостаточный патриотизм деятелей сцены. 18. Мессианизм Вильсона. 19. Отсутствие преследования вождей независимых с.-д. 20. Карл Либкнехт. 21. Отравление сознания народа пустыми «ходячими» словечками и т. д.

Читатель заметит, что здесь в кучу свалены первостепенные социально-политические причины и десятистепенные (вроде недостаточного патриотизма артистов). Конечно, буржуазия отдает себе вполне ясный отчет, что *главное лежит в социальных вопросах*. Подымет или не подымет во время войны «свою голову» социальная революция — вот *решающий вопрос для капитализма*. И защитники последнего сделают все возможное,

чтобы не допустить до этого, а, наоборот, спасти свою *страну*, т. е. создать в ней *гражданский мир*.

Задача нелегкая: ведь надо итти против природы, против наличия классовых противоречий в капиталистическом обществе, обществе, в котором *созрели все объективные условия для пролетарской революции*.

«Счастье» буржуазии состоит в том, что еще не созрели окончательно *субъективные условия* для пролетарской революции, что сознание рабочего класса еще не высвободилось окончательно из-под буржуазного влияния и идеологии. Поэтому буржуазия и обращает сейчас такое колоссальное внимание на удержание, закрепление сознания рабочих масс в своих руках, под своим влиянием. Недаром все военные писатели в один голос твердят (после мировой войны) о выросшем значении «морального фактора».

Например, англичанин Отсети Кин-Холл пишет: «В настоящее время термину «вооруженные силы» должно быть придано гораздо более широкое значение, так как он охватывает экономические силы и важные абстрактные силы, как, например, общественное мнение. Может случиться, что со временем эта абстрактная сила морального общественного мнения приобретет в мире такой вес, что она совершенно затмит вооруженную силу в человеческих расчетах».

Или польский генерал Ромер: «Несомненно, что в будущей войне борьба будет происходить в трех объектах: военной, экономической и психологической. Весьма вероятно, что в будущей войне экономическая и психологическая борьба будет вестись еще ожесточеннее, чем в минувшую мировую войну».

И еще «счастье» буржуазии (правда, очень своеобразное) в том, что ей не приходится этот *гражданский мир* создавать специально для войны. Создание его в мирное время у себя в стране — *генеральная линия политического руководства буржуазии на современном этапе империализма*. Задача в связи с войной сводится к укреплению гражданского мира, к устранению самых незначительных проявлений классовой борьбы, к полному ее подавлению.

Несмотря на то, что классовым интересам пролетариата *объективно* цели войны господствующей буржуазии противны, буржуазии приходится сделать эти цели *субъективно* приемлемыми для рабочих, ибо иначе массы воевать за буржуазию не пойдут. Полковник Фуллер это так вычурно выражает: «Как в мирное время, так и в военное, здравый смысл есть главная сила, руководящая интеллектуальной сферой деятельности человека. Война должна иметь смысл, так как в противном случае она будет борьбой сумасшедших».

Такова та трудная задача, которую буржуазия пытается разрешить политическим средством во время войны, и для которой она стремится еще в мирное время создать необходимые политические организационные и мобилизационные предпосылки.

Не менее грандиозна задача и в отношении стран противников. Ведь там надо или *играть с огнем* (в отношении противника в лице буржуазной страны), ибо «разлагать» политическое единство этих стран означает не что иное, как *взрывание гражданского мира,* т. е. подливание масла в затухший временно огонь классовой борьбы; или тщетно пытаться ослабить и сломать колоссальной силы *единство рабочей диктатуры в союзе с трудящимся крестьянством* (СССР).

Но если буржуазия хочет выйти из готовящихся ею новых войн победителем (а она этого безусловно хочет!), то ей неизбежно приходится готовиться к разрешению обеих этих военно-политических задач — внутренней (укрепление своей страны) и внешней (разложение страны противника). И буржуазия к этому готовится. Посмотрим, какими методами и на каких принципах. И прежде всего разберем главное орудие — ***политическую пропаганду.***

ГЛАВА II

БУРЖУАЗНАЯ ПРОПАГАНДА В БУДУЩЕЙ ВОЙНЕ

Буржуазные пропагандисты о коммунистическом просвещении

„Россия установила смертельную форму психологической войны".

Фуллер.

Наиболее прозорливые и откровенные буржуазные писатели по вопросам о пропаганде не скрывают, что *пропаганда не является новым и неизвестным доныне оружием борьбы,* появившимся-де только в мировую войну. Весь вопрос только в том, что в эту войну *пропаганда приняла неожиданно и невиданно грандиозные размеры.* Пропаганда стала неотъемлемым элементом борьбы. Начал образовываться даже слой профессионалов-пропагандистов.

Но все же для буржуазных идеологов все еще не совсем ясно, какова подлинная «природа» про-

паганды. И поэтому все, занимающиеся вопросом о пропаганде (исторически или теоретически), начинают прежде всего с анализа и определения пропаганды.

И тут бросается в глаза одно обстоятельство. Прежде всего обращается внимание на нас, грешных, *на агитационно-пропагандистскую работу коммунистической партии* и особенно на ее политическую работу в Красной армии. Что их тут больше всего интересует? Техника работы? Методика? Материальный размах? Нет, в этих вопросах буржуазия *сама не плоха.* Их прежде всего «интересует» конечный результат нашей работы, *ее успешность.*

Буржуазия всячески пытается разгадать наш «секрет».

Так, например, французский генерал Серриньи говорит так: «Большевики оказались мастерами в искусстве сочетать действия морального порядка с чисто военными. Их боевым операциям в Сибири, Польше, на Кавказе всегда предшествовали, в нужный момент, агиткампании, направленные, параллельно, к внесению деморализации в ряды армии и в народную толщу противной стороны. Последовавшие результаты были изумительны и заслуживают глубочайшего изучения».

Еще более ярко это выражает полк. Фуллер. Он пишет: «Россия установила смертельную форму психологической войны». Эта форма такова,

что «против русских методов борьбы *наш могущественный флот столь же мало действителен, как паровой молот против радиоволн*». Дело понятное: больше всего буржуазия боится классового просвещения, развертывания классовой борьбы, или, как Фуллер это определяет — «каждая страна имеет теперь врага в своих пределах».

Немец Штерн-Рубарт[1] также подчеркивает особенности нашей политической пропаганды и видит ее отличие от буржуазной пропаганды в ее... «незаконности»: «Освещение советской пропаганды не входит в круг задач этой книги уже потому, что она является носительницей *социальной, а не национальной идеи,* и не может считаться политической пропагандой».

Небезынтересно послушать и белогвардейца полковника Пораделова. Рассматривая нашу политическую работу на фронте, он вынужден признать, что большевики исходят в своей пропаганде «из той мысли, что личные интересы каждого бойца Красной армии совпадают («должны бы теоретически совпадать», добавляет он) с интересами «рабоче-крестьянского правительства», тогда как обратное должно происходить в странах капиталистических... *Доля правды в этом есть.* Вражда со стороны рабочих к высшим классам

[1] Штерн-Рубарт, Пропаганда как орудие политики (на немецком языке).

значительно обострилась после мировой войны, а пропасти между классами производящими и поглощающими продукты трудов, углубляются все больше и больше. Не видеть этого нельзя, а потому и не считаться с этими настроениями в будущих войнах тоже нельзя. И в этом несомненная сила Красной армии».

Но вывод этот настолько убийственен, что белогвардейский писака немедленно ищет утешения в детски-наивном вранье: «В области своей идеологической сущности Красная армия—двуликий Янус. Культивируя национализм для поднятия настроения внутри страны, она остается слугою III Интернационала и пользуется его знаменами как средством для воздействия и ослабления силы сопротивления противника. Например, для Европы говорится, что Красная армия освободительница населения от господства капиталистов и буржуазии, а для домашнего употребления говорится — среди крестьян следует широко пользоваться национальными лозунгами, разъясняя им исторические задачи России» и т. д.

Как видит читатель, *буржуазные пропагандисты всячески хотят разгадать причину нашего успеха, но, увы,—не могут*. Ведь наша политическая пропаганда есть *классовая пропаганда*. Близоруким буржуа не понять, что весь наш секрет успеха — *в содержании нашей пропаганды*.

Пусть в гражданской войне наши газеты печа-

тались на безобразной бумаге и хлюпающих машинах, пусть политические речи передавались визжащими и хрипящими граммофонами, но содержание газет и речей действовало, как чудо, раскрывая глаза массам.

Успешность *содержания* нашей политической работы вызывается тем, что лозунги, политические цели и практические задачи, к которым зовем, *совпадают с объективными классовыми интересами рабочих масс* и их союзника — крестьянства.

Иначе и не может быть — на то мы и партия научного мировоззрения. Тов. Сталин дал по этому вопросу исчерпывающий ответ, когда отвечал свердловцам на их вопрос: «рабоче-крестьянское правительство — фактически или как агитационный лозунг?» Он сказал:

«Формулировка вопроса кажется мне несколько несуразной. Выходит, что партия может давать и такие лозунги, которые не соответствуют на деле действительности, а служат лишь целям какого-то хитрого маневра, почему-то названного здесь «агитацией». Выходит, что партия может давать и такие лозунги, которые не имеют и не могут иметь научного обоснования. Верно ли это? Конечно, неверно. Такая партия заслуживала бы того, чтобы, просуществовав короткий срок, исчезнуть потом, как мыльный пузырь. Наша партия была бы тог-

да не партией пролетариата, ведущей научную политику, а пустой пеной на поверхности политических событий».

Вот в чем принципиальное, политическое отличие нашего политического, коммунистического просвещения от буржуазной пропаганды. Идеологам и агитаторам буржуазии трудно понять это отличие, но они достаточно умны, чтобы видеть успешность нашего просвещения и опасность его для капитализма.

Буржуазные пропагандисты о своей пропаганде

„Ложь и пропаганда связаны неразрывно".

Робер де-Жувенель.

Буржуазные пропагандисты не скрывают ни от себя, ни от масс, что *их пропаганда основана на лжи.* Это нельзя понимать так упрощенно, что все, что пишут в газетах и пр., не соответствует действительности. Имеется в виду ложь в политическом смысле. Политический обман — вот природа буржуазной пропаганды. И это неизбежно, поскольку эта пропаганда служит целям отвлечения сознания трудящихся от классовой правды.

Приведем весьма интересный «реестрик» определений своей пропаганды их творцами:

1. «Пропаганда состоит в представлении какого-нибудь положения так, чтобы это оказывало должное воздействие на других» (К Стюарт).

2. «Пропаганда — описательное выражение для лжи. Кто хочет вести пропаганду, должен уметь лгать. Нужна не правда, а правдоподобие» (Американская газета Unity).

3. «Все сходятся на том, что ложь и пропаганда связаны неразрывно» (Робер де-Жувенель).

4. «Вопрос об «абсолютной» или чистой правде в пропаганде такой же праздный вопрос, как старый знакомый вопрос — сколько ангелов могут танцовать на острие иглы. *Мы должны выступать с нашей правдой*» (Ф. Шенеман).

5. «Отличительная черта пропаганды — *безразличие к правде*. Правда ценна постольку, поскольку она может оказать желаемое воздействие. Полная правда была бы вообще излишней и приводила бы к ошибкам» («Британская энциклопедия»).

6. «Нынешняя пропаганда, в чем бы ее ни рассматривать, таит в себе много обмана. Относительно правдивости сообщаемых пропагандой известий можно, повидимому, сказать, что всегда неразумно бывает прибегать к пользованию таким материалом, который легко может быть опровергнут» (Г. Ласвель).

7. «Публику нельзя убедить логикой, но можно убедить сказками» (Г. Ласвель).

8. «В будущем пропагандист всегда сможет рассчитывать на целый батальон честных профессоров, которые перепишут историю заново так, что она сможет служить требованиям момента» (Г. Ласвель).

9. «Первостепенное правило пропаганды — это: пользование только правдоподобными утверждениями. Во-вторых, не следует пользоваться противоречащими друг другу доводами» (К. Стюарт).

10. «Понятие пропаганды истолковывалось весьма различно. Английский министр Шорт утверждал, что распространение истинных фактов не является пропагандой».

Вот эти «10 заповедей» достаточно правильно определяют природу буржуазной пропаганды.

Но было бы неправильно думать, что буржуазия раскрывает свои карты по глупости и без всякого смысла для себя. Она говорит о лживой природе пропаганды не в классовом, а в «журналистско-газетном» смысле. Она хочет этим трюком обойти самый большой подводный камень — *несоответствие содержания лживой пропаганды с классовыми интересами пропагандируемых.*

На самом деле, слабое место буржуазной пропаганды именно в ее *классовом обмане,* но это явление не самодовлеющее, а лишь неизбежное *следствие классовых противоречий* капиталистического общества. Вот почему, особенно под давлением неуспехов, революционных потрясений за

последние 15 лет, под давлением необходимости сохранить и закрепить свое господство, особенно на случай войны, буржуазия вынуждена проблему улучшения своей пропаганды тесно *связывать с общей проблемой своего господства* над пролетариатом и трудящимися.

Опыт империалистской и гражданской войн

„Германская пропаганда поддерживалась лишь с трудом".

Людендорф.

Что чему предшествует — пропаганда политике или наоборот? Буржуазные пропагандисты, вроде Г. Ласвеля [1] или К. Стюарта, склонны думать, что иногда пропаганда предшествует политике. Это явный вздор. Бывает иногда (например, в факте нажима лорда Нортклиффа на английское правительство, с целью воздействовать на изменение внешней политики Италии [2], что пропагандисты проявляют инициативу в том или ином вопросе политики. Но отнюдь не потому, что пропаганда есть нечто самодовлеющее, а потому, что *пропагандист иногда живее реагирует на политический барометр,* улавливая минусы проводимой политики.

---

[1] См. об этом в предисловии т. Гуса М. к книге Г. Ласвеля, „Техника пропаганды в мировую войну".
[2] См. К. Стюарт, Тайны дома Крю. Гиз, 1928 г.

Таким образом успешная (по результатам) пропаганда есть следствие, результат умной, соответствующей данной политической обстановке, политики.

Вот почему, когда буржуазный пропагандист говорит, что в данной стране или в данный период пропаганда была плохая, то читать надо, что политика была неправильная или объективно неуспешная. При этом остается в силе общее для всех буржуазных стран слабое место, кроющееся *в классовых противоречиях,* из которых ни политика, ни отражающая ее пропаганда выскочить не может.

В чем слабое место германской пропаганды?

Посмотрим на факты. «Преимуществом» стран Антанты перед Германией и Австро-Венгрией было то, что у них было большее единство в господствующем классе (вспомним грызню юнкерского генералитета с промышленниками в Германии), у них оппортунистические партии были в большем идейном подчинении буржуазии, чем в Германии, у них рабочие массы также находились в связи с этим в большем плену у буржуазной идеологии.

В итоге, империалистской английской, французской и американской *буржуазии удалось создать более крепкое и длительное «национальное единство»,* гражданский мир в своих странах.

Отсюда и больший успех их пропаганды, нежели германской и австрийской. И эта же успешная пропаганда ничего не стоила, когда наткнулась на пролетарское государство.

В чем причина полного политического провала белогвардейцев? В том, что они, даже поддержанные английской, французской и прочей пропагандой, *ничего не могли сделать* против колоссального объективного, классового преимущества советской пропаганды, отражавшей пролетарскую политику.

Почему, рано или поздно, рассыпалась в прах всякая попытка белогвардейцев и интервентов противоставлять свою пропаганду коммунистическому просвещению? Потому что даже при условии равного соотношения военных сил политика белогвардейцев *ничего не могла сделать* против колоссального подъема и революционных сил масс, поддерживавших политику коммунистической партии.

Смешно думать, чтобы деникинская «треххвостка», «единая неделимая Россия» или врангелевский «земельный закон», проводимый в Таврии «крестьянами от сохи» — помещиком Иваненко, графом Татищевым и графом Гендриковым, могли бы кого-нибудь по-серьезному обмануть и по-серьезному привлечь к борьбе за реставрацию монархии.

Вся послевоенная работа политиков и пропагандистов (а их не отделишь друг от друга) и сводится к попыткам устранить эти свои недостатки.

Новое в буржуазной пропаганде

„Низшие классы хотят революции, и они получат ее, если высшие классы не захотят реформ".

А. Лангбеен.

Факт существования СССР особенно толкает «исследователей» пропаганды искать новых путей, обеспечивающих успешность пропаганды. Искания эти, естественно, идут в плоскости *улучшения методов политического руководства массами,* в результате чего должна повыситься и успешность пропаганды.

Важно отметить, что при всех неудачах политической борьбы против СССР белогвардейцев и стран Антанты в гражданскую войну разница в методах тех и других все же была.

Вот два примера. Деникин ни на какие отступления от своей программы восстановления «единой неделимой» не шел. Отсюда неумение договориться с украинско-буржуазным движением, отсюда нежелание совместных действий с фактически уже образовывавшимися окраинными буржуазными государствами (Латвия, Польша и др.).

Конечно, эта политика была политикой близорукого монархиста.

И возьмите политику английских агентов, хотя бы при Колчаке. Вместо монархических лозунгов — сравнительно «тонкая» демократическая отрава. Полковник Джон Уорд в книге «Союзная интервенция в Сибири» с нескрываемым цинизмом пишет, что он, *успеха ради,* среди рабочих (главным образом, железнодоржных узлов) агитировал, что Англия — друг русских рабочих, что как только последние выгонят большевиков, англичане добьются введения в России всех демократических завоеваний английских рабочих.

Что готовят к будущей войне буржуазные пропагандисты? Они готовятся к тому, чтобы *полнее использовать те новые завоевания, которые они ожидают сейчас, в деле укрепления своего идейного господства над рабочим классом как результат всей послевоенной политики, проводимой с помощью социал-демократов и фашистского метода управления.*

Полк. Фуллер пишет: «В этой войне, которую Россия ведет против нас в течение последних десяти лет, *мы получили много психологических ударов* и перенесли не одну моральную неудачу. И все же мы не нанесли ни одного ответного удара, так как мы не обладаем оружием, которое могло бы унизить ее... Здесь открывается для нас новая тактическая область, которую мы вы-

нуждены будем разработать. И так как целью России является разрушение цивилизации путем натравливания одного класса на другой, то исцеление нужно искать *не только в подобном же нападении на Россию, но и путем устранения социальных болезней, которые развились внутри нашей цивилизации*».

Что это значит? Это значит, что подготовка к будущей войне требует уже сейчас, в мирное время, ряда мер, которые были бы в состоянии *затушевать, ослабить, притупить острые углы классовых противоречий,* кое-какими внешними уступочками, реформочками создать более благоприятные условия. Создать, другими словами, такие *политические предпосылки*, на основе которых все слои населения, все ее классы, все нации внутри государства можно было бы спаять вокруг «общегосударственных», «общенародных», «отечественных» идей и целей будущей войны.

Ведь, как отмечает Ласвель, «война должна быть истолкована им (разным классам и нациям одного и того же государства. — *Ф. Б.)* как что-то такое, в чем они заинтересованы не только как члены общей группы. Война должна вестись ради защиты их занятий, их семьи и их церкви, за увеличение их благосостояния и за укрепление их безопасности и веры».

Новое в буржуазной пропаганде и состоит в этом предвидении, что сейчас надо играть, так

сказать, *на «демократических нотах»*, что сейчас надо иметь исходной данной подкуп масс «лечением (конечно, только внешним) *социальных болезней»*.

Наиболее гибким, приспособленным и ловким в деле осуществления такого профилактического плана действий, естественно, оказывается фашизм, в частности, польский.

Польша, в предвидении будущей войны, производит сейчас широко и глубоко задуманный политический маневр, которым польская буржуазия надеется замазать «социальные болезни» и создать у себя благоприятную политическую обстановку.

Основной прорехой и опасным местом на теле польского государственного организма пилсудчина справедливо считает *национальный вопрос*. Известная широким кругам наших читателей тайная конференция в Ландварове, происходившая одновременно с виленскими торжествами (август 1928 г.) по случаю слияния стрельцов и легионеров в один фашистский союз, положила начало серьезному осуществлению задуманного маневра.

Основы этого маневра таковы: надо залечить хотя бы внешне наиболее кричащие социальные болезни в стране. Путь к этому — *провозглашение идеи федерализма, политики национального и хозяйственного самоуправления и т. д.* Ландва-

ровская конференция поставила перед правительством задачу немедленно провести резкий поворот в прежней откровенно угнетательской политике в отношении национальностей.

Руководящие кадры пилсудчины взялись за эту политику «всерьез и надолго». Мы видим, что ряд практических мероприятий уже осуществляется: неупотребление слова «русин», украинские вывески, преподавание украинского языка, привлечение украинцев к управлению в уездах, более мирные отношения с украинской эмиграцией, вольности для просвит и печати, «примирение» с православным духовенством, интеллигенцией и проч.

Как формулируют пилсудчики свои современные задачи? Вот характерное выступление на одном тайном совещании руководителей легионеров:

«*Формула эта сводится к диктатуре сильного человека*, который построит фундамент мощной государственности. Таким человеком был, есть и останется маршал Пилсудский — вождь польских легионеров и бесспорный строитель могущества Польши. Его задача будет — подготовить Польшу к постоянной сильной власти с тем, чтобы это строение в будущем не могло рушиться. Для этого ему необходимо вести *внутреннюю политику* в следующих направлениях:

1. Организация сильной исполнительной, ему *лично преданной власти,* независимой от парламента.

2. Усиление значения сената, который должен образоваться путем косвенных выборов и иметь равные права с сеймом.

3. Создание *хозяйственного самоуправления,* базирующегося на куриальной избирательной системе.

Хозяйственное самоуправление *должно отвлечь внимание народа от политических факторов* и сконцентрировать его над решением хозяйственных проблем. Только эта формула может излечить социальные болезни, которые охватывают ту или иную часть Польши, в силу чего наблюдается наличие частых «антигосударственных» моментов противоречия между отдельными областями страны.

4. Должна быть решена *национальная проблема.* Еще до сих пор Польша задыхается от привитой ей болезни — национал-демократов, которые стремились к национальному государству и подавляли инородцев. Задача диктатуры—разрешить национальную проблему путем предоставления автономного самоуправления крупнейшим национальностям, входящим в состав Польской республики, с тем, чтобы прийти к федерации наций, населяющих Польшу». И дальше:

«*Украинский* вопрос теоретически решен, но практическое осуществление этих решений не соответствует историческому моменту». «Решение *белорусского* вопроса может заключаться в содействии ассимиляции белорусской интеллигенции, к чему уже сделаны первые шаги. *Еврейская* проблема разрешается путем предоставления известных привилегий еврейской интеллигенции, а в некоторых случаях предоставления еврейскому большинству в городах своего национального самоуправления. *Немецкий* вопрос разрешается исключительно мягкостью правительства по отношению к немцам, населяющим Польшу, которые чрезвычайно склонны к ассимиляции и уже через поколение превратятся в поляков. *Литовская* проблема для нас *не существует*, так как мы намерены жить с Литвой, как с союзным и братским государством».

Или вот слова другого пилсудчика:

«Крестьянство (Познани) могло бы дать в наши ряды несколько десятков тысяч новых членов, но при одном обязательном условии: *аграрная реформа в Познанском воеводстве должна быть доведена до конца*, и власть не смеет оказывать никаких послаблений немецким землевладельцам. Только при этом крестьянство пойдет с нами».

И, наконец, о трудностях для пилсудчиков в этой новой политике и о помощи им церкви:

«Отношение населения весьма благоприятное. В городах *зажиточное мещанство*, служащие и среднее шляхетство поголовно состоит в организации легионеров. В деревнях организации крепнут ввиду энергичной работы школьного персонала, привлеченного в состав легионов. Самая трудная работа в *фабрично-заводских районах*, где приходится преодолевать конкуренцию социалистов и коммунистов. Работа штаба теперь облегчена тем, что на этом фронте мы боремся *рука об-руку с духовенством*, которое оказывает нам большую помощь. Самое неустойчивое положение в Кракове, но уже теперь мы не боимся пригородов, с которыми легко справимся при помощи *мобилизации пригородных крестьянских организаций*».

Таков план польского фашизма—*классический пример* того, что буржуазия кое-чему научилась и пытается более «умно» подготовиться к борьбе с нами. Конечно, это не значит, что ей удается успешно осуществлять и удастся довести до конца свой план. Во-первых, в силу самой природы буржуазного государства вообще и особенностей Польши в частности, работа польского фашизма главным образом более или менее крепко захватит в свои руки только *верхушку угнетенных наций* (интеллигенцию, кулачество, городскую, мелкую буржуазию). Во-вторых, пилсудчине не так-то просто бесперебойно осуществлять заду-

манное. Практика говорит о ряде провалов (львовский погром), да к тому же не очень довольны этой политикой земельные магнаты, ибо эта политика даром не делается — за нее надо платить небольшими уступочками, в том числе и земельными.

Можно, конечно, возразить, что не всякая страна в состоянии проводить такую гибкую политику. Это верно. Если взять Румынию, то ее политика, конечно, значительно «уступает» польской, латвийской, эстонской и др. Последние страны — страны буржуазно-демократического строя — имеют перед Румынией ряд преимуществ.

Если в Латвии и Эстонии провозглашается активное и пассивное избирательное право для офицеров и солдат (хотя всей механикой буржуазной демократии это право и сводится нанет), то в Румынии проводится, свойственная полуфеодальному государству, тупая, фельдфебельски-глупая пропагандистская подготовка.

Вот пример того, как «замечательно» убеждают румынского солдата в варварстве и опасности богопротивной природы большевиков: «Во время прошлой войны в некоторых странах явилось сильное зло — это большевизм... Вот что говорят коммунисты: люди одинаково мыслят, одинаково учатся, разгружают ли они пшеницу в портах, изучают ли они медицину, инженерную

или другую науку, а потому все имеют право управлять делами государства... Большевики хотят уничтожить весь государственный строй... Так, они говорят, что не должно быть министра, который бы управлял; например, вместо командира взвода необходимо иметь семь солдат, а вместо командира роты — двенадцать солдат... Большевизм точно так же является смертельным врагом церкви, потому что, говорят большевики, религия есть не больше, чем обман — никто бога не видел...» и т. д.

Таким образом надо признать, что в политике подготовки гражданского мира в своей стране буржуазия каждой страны вносит свои своеобразные черты. Но при этом надо учесть и то, что при всем отличии друг от друга соседних с СССР стран, *не они будут определять основную политическую линию пропаганды в будущей войне.* Диктовать линию будет более искусная, прожженная и опытная *западно-европейская буржуазия.*

Какую следует ожидать пропаганду и вообще политическую борьбу, которой буржуазия попытается ослабить и бить по СССР? В гражданскую войну против СССР действовали в открытую — монархическими лозунгами, крестом и иконой. Царские генералы и доморощенные политики тогда не поняли изменившейся обстановки. Они еще верили в чудодейственную силу веры в

царя, святости креста и частной собственности. Отсюда — тупоголовая пропаганда и борьба за полное восстановление буржуазного режима, отсюда лозунг «единой неделимой», отсюда — возвращение земель помещикам.

Уже тогда, в гражданскую войну, раздавались отдельные голоса, что так, пожалуй, крестьянство и угнетенные прежде нации не завоюешь.

А сейчас, учтя свой опыт, белогвардейцам стало *совершенно ясно, что надо быть гибче,* что старые монархические лозунги надо сдать в архив. Уже цитированный белогвардеец Пораделов так говорит об этом: «Чтобы поползли танки, чтобы безотказно работали фабрики и дороги и, наконец, чтобы послушно двинулась за этими танками живая сила страны — армия, *нужна основательная, умная, своевременная и современная подготовка.*

Каков же вывод? Он прост. Не массой своих 16 миллионов, которых не удастся мобилизовать, не боевыми качествами личного состава, жертва которого может оказаться бесплодной, не широкой по плану и ничтожной по осуществлению техникой сильна Красная армия. *Сильна она будет той моральной слабостью и неуступчивостью, которые могут обнаружить ее возможные противники».*

Вот по какой линии готовятся буржуазные пропагандисты. Они подготовляют такую пропа-

ганду, которая не отпугивала бы сразу, нашла бы хоть малюсенькие зацепочки, хотя бы в самом маленьком слое советского населения. Вот откуда такая лихорадочная активность в национальном вопросе, особенно в *грузинском, украинском*, вот откуда такой большой интерес к крестьянскому вопросу в СССР. Пропаганда буржуазии будет искать в СССР щелочки и трещинки в трех направлениях: в национальном вопросе, в смычке рабочих и крестьян, в интеллигентских кругах. Найдет ли противник там что-нибудь для себя? Повидимому, в кулацко-шовинистической прослойке и малюсеньком «шахтинском» меньшинстве старой интеллигенции кое-какие зацепки найдет. Но главное, что нас должно интересовать,— это попытка по-новому, «демократическими» лозунгами, «современными» методами действовать против нас. И это надо учесть. В этом и состоит разница методов политической борьбы Деникиных и современного фашизма.

Конечно, эти меры дадут известные свои результаты только при одном условии — если эти стремления найдут поддержку со стороны *социал-демократии*. А вся практика жизни последней свидетельствует о том, что эта поддержка целиком обеспечена.

Больше того: социал-демократия берет на себя всю тяжесть пропаганды. Она ее «освящает» своим благословением. Буржуазную сущность по-

литики (а отсюда и пропаганды) социал-демократия покрывает социалистической позолотой. Как бы буржуазия непосредственно ни пыталась усиливать свое идейное влияние на рабочие массы, лучше всего это ей удается через главный «приводной ремень» — через социал-демократию.

Буржуазная пропаганда выступит в будущей войне в «социалистической», «демократической» оболочке. И лучшим помощником в этом будут социал-фашисты.

Полк. Фуллер, например, готовит «умы» английских масс к тому, что война Англии против СССР явится войной «свободной», «демократической», «цивилизованной» Англии против азиатской, варварской, империалистской России.

Он пишет: «Для того чтобы понять цель России, необходимо прежде всего усвоить себе тот факт, что в психологическом отношении Россия является азиатской нацией. Затем необходимо понять, что настоящее социальное брожение не было вызвано войной, а война лишь освободила его. Его происхождение нужно искать в индустриальной революции. *Каждая страна имеет теперь врага в своих пределах,* т. е. класс общества, являющийся противником материализму, власти большинства и вообще большим числам. Идеалы этого класса еще неопределенные, но все они имеют наклонность к антипатии по отношению к демократии. В действительности ведутся подко-

пы под демократические правительства и уже в полдюжине стран установлена диктатура. Центр тяжести всей этой тревоги находится в России. *Ее политика в настоящее время все еще продолжает быть политикой Петра Великого, т. е. империализмом*». Умри, Фуллер, лучше не напишешь.

Разобравши генеральную линию политики буржуазии и ее пропаганды в современных условиях, мы перейдем к рассмотрению важнейших методов претворения в дело этой линии через пропаганду как в своей стране, так и в отношении стран противников.

Основной лозунг буржуазии — «оборона отечества»

„Нельзя позволить немцам оборонительную войну союзников ставить на одну доску с наступательной войной".

Французский пропагандист *Клобуковский* (1918 г.).

„Немецкие жены и дети не должны стать жертвами русских жестокостей, германская земля не должна стать добычей русских казаков".

Из воззвания ЦК германской с.-д. партии 1/VIII 1914 г.

Особенно подробно изучаются в проблеме о пропаганде — *методы* последней. Тут буржуаз-

ные пропагандисты стремятся создать целую «науку», целый свод правил и приемов. И тут они изощряются во-всю, ибо каждый самый маленький прием и путь к сознанию масс должен быть использован, чтобы лишней клеветой, выдумкой, сказкой закрыть доступ классовой правде, удержать пропагандируемого от классовой борьбы.

На первом месте, естественно, стоит вопрос *о целях войны*. Фуллер недаром говорит, что «война без смысла была бы войной сумасшедших». А мы прибавим, что *такая война не состоится или быстро «затухнет»*, потому что солдаты либо разбегутся, либо превратят эту войну в войну гражданскую. При этом речь, конечно, идет о *субъективном смысле* войны, т. е. о том смысле ее, который навязан плененному сознанию трудящихся масс.

Как же изобразить *цели войны*, или, как говорит Г. Ласвель, — «виновность в войне и цели войны»? Он же и дает весьма правильный ответ: *«Психологическое противодействие войне со стороны современных народов так велико, что каждая война должна быть представлена в их глазах обороной против угрожающего, жестокого зачинщика.* Не должно быть колебаний по отношению к тому, кого нужно ненавидеть... Преступность и простодушие должны быть разграничены географически, причем вся преступность должна находиться по ту сторону границы».

В этих словах самодовольный чикагский профессор Г. Ласвель кичится тем, что Антанте удалось в применении этого основного метода пропаганды перехитрить врагов, взять первенство. Но метод этот — общий для всех буржуазных стран в прошлых и будущих войнах.

Истинные цели войны, их империалистический характер можно или найти записанным в тайных из тайных договорах (вот почему, кстати, так негодовали все капиталисты по поводу опубликования советами этих договоров), или услышать на самых сокровенных конференциях, закрытых парламентских заседаниях и т. д. Действительные цели войны — самая большая тайна до и во время войны. И опубликования буржуазия боится, как чорт ладана.

Вот полюбуйтесь, например, на «социалиста» Шейдемана, как он в ужас пришел, когда в 1917 г. чуть-чуть было не разболтали во всеуслышание «всегерманские цели войны». Цитируем по «Историко-политическому ежегоднику» за 1917 г. (нем. издание): «Запросы консервативной и социал-демократической фракции *о целях войны* побудили Бетман-Гольвега (рейхсканцлера) выступить 15 мая 1917 г. со следующим заявлением: «Программное выступление не соответствует в данный момент интересам страны; он (рейхсканцлер) не находится под влиянием какой-либо партии, а подчиняется только немецкому народу...»

В прениях Шейдеман высказал ту мысль, что «*если правительством будут официально* («а в тиши кабинетов — пожалуйста». — *Ф. Б.) приняты «всегерманские цели войны», то скрепы разойдутся, и мы будем иметь революцию*». Рейхстаг принял решение: «*о несвоевременности декларирования военных целей*».

Английские, французские, бельгийские, русские генералы и капиталисты проповедовали, что их страны обороняются, а напали Германия, Австрия и др.

Немецкие, австрийские, болгарские и другие генералы и капиталисты утверждали обратное.

И когда кончилась война, *с целью самооправдания*, а главное, *с целью укрепления и подготовки к новым войнам*, пропагандисты и правительства продолжали убеждать народы теми же сказками.

Но их утверждения не имели бы такой силы воздействия, если бы социал-оппортунисты не подводили под эту теорию «обороняющейся стороны» ложно-социалистическую базу.

Приведем слова Ленина, в которых он великолепно разоблачают всю лживость и преступность этого *оправдания войны* необходимостью обороняться от коварного врага:

«Эпоха 1789 — 1871 гг. оставила глубокие следы и революционные воспоминания. До свер-

жения феодализма, абсолютизма и чуженационального гнета, не могло быть и речи о развитии пролетарской борьбы за социализм. Говоря о законности «оборонительной» войны по отношению к войнам *такой* эпохи, социалисты всегда имели в виду именно эти цели, сводящиеся к революции против средневековья и крепостничества. Социалисты всегда понимали под «оборонительной» войной «справедливую» в этом смысле войну.

Только в этом смысле социалисты признавали и признают сейчас законность, прогрессивность, справедливость «защиты отечества» или оборонительной войны. Например, если бы завтра Марокко объявило войну Франции, Индия — Англии, Персия или Китай — России[1] и т. п., *это были бы «несправедливые», «оборонительные» войны, независимо* от того, кто первый напал...

Но представьте себе, что рабовладелец, имеющий 100 рабов, воюет с рабовладельцем, имеющим 200 рабов, за более «справедливый» передел рабов. Ясно, что применение к подобному случаю понятия «оборонительной» войны или «защиты отечества», было бы исторической фальшью и практически просто обманом

[1] Брошюра написана В. И. Лениным в 1915 г.

простонародья, мещанства, темного люда ловкими рабовладельцами» [1].

Именно таким обманом занимались в прошлую войну и занимаются, готовясь к будущим войнам, буржуазные правительства, их пропагандисты и «их» социалисты.

В решениях VI конгресса Коминтерна с исчерпывающей полнотою освещен факт продолжения спекуляции на затасканном лозунге «обороны отечества», с некоторыми вариациями. Если в 1914—18 гг. «демократическая» Англия и Франция «оборонялись» от «империалистской» Германии, а «демократическая» Германия — от «царистской» России, а «освободительница славян» Россия — от императорской Австрии, то сейчас музыка осталась та же, но изменились слова. Сейчас «демократическая» Франция будет «обороняться» против «реакционного фашизма» Италии, «свободная» Англия — против «империалистской» Америки, а «свободнейшая» Америка — против «империализма» Англии, последняя «против покушения китайских рабочих на жизнь и собственность» (такой лозунг был в 1927 г.). И все вместе, «самые демократические страны» мира—Англия, Франция, Польша, против «красного империализма», против большевизма — разрушителя цивилизации.

[1] В. И. Ленин; Социализм и война, том XIII. стр. 94.

Умудренный опытом империалистской войны Г. Ласвель дает ряд рецептов пропаганды «оборонительной» цели войны, которые следует запомнить, ибо они раскрывают, по какому пути будет итти пропаганда в будущей войне, в том числе и против СССР. Но как установить виновность и империалистические намерения противника? «Доказательства того, что данная страна враждебна нам, могут быть установлены тремя путями. В моменты кризисов она всегда вооружается первой (открыто или тайно) и ведет себя вызывающе, чем обнаруживает преступное стремление довести дело до конца. Более того, она всегда выдает себя тем, что во время лихорадочных переговоров, предшествующих окончательному разрыву, старается выставить зачинщиком наше правительство. За всем этим кроется целый ряд беззаконий, жестокостей и лукавств, неоспоримо доказывающих заранее обдуманное намерение погубить нас».

Сравните это с той грязью, противобольшевистской клеветой, с тем, как изображают СССР за границей, и вам станет ясным, что этот рецепт Ласвеля широко и щедро, в лошадиных дозах, применяется нашими классовыми врагами, и что этот рецепт во время войны будет применяться в мамонтовых дозах. Любая газета, журнал, издаваемые нашими классовыми врагами, их лекции, кинофильмы готовят сознание масс к мысли,

что СССР готовит войну, что (в польском изображении) он покушается на польскую землю, как и царизм, что (в английском изображении) СССР несет миру азиатчину, анархию и пр.

Но не так-то легко всех убедить в виновности противника. Нужен индивидуальный подход к каждой группе населения. Одному достаточно крылатое словечко, вроде «немецкая свинья» или «английский коммерсант», другого надо испугать опасностью, угрожающей его религии, третьему надо внушить, что враги — любители массовых изнасилований малолетних, четвертого надо пугать опасностью его огороду и усадьбе, пятого — опасностью со стороны врага его взглядам на школьное дело, шестому надо угрожать, что враг заберет его коллекции пивных кружек второй половины XVI века, к седьмому надо «тонко» подойти с крыльца исторических исследований и т. д. и т. п.

И всех вместе надо на этом сплотить вокруг идеи *единства нации,* поддержания традиций страны и ее общей безопасности. Г. Ласвель поучает:

1. «Нельзя пренебрегать ни одним из чувств, глубоко врезавшихся в общественные традиции».

2. «Для подавляющего большинства населения каждого государства достаточно объяснение цели разбить врага — во имя своей безопасности и обеспечения будущего мира».

3. «Нужно представить неприятеля в таком виде, чтобы он казался более чем угрозой социальному наследию; неприятель — это препятствие к реализации новых национальных ценностей».

4. А для «пацифистов» особое лекарство. «Пропагандист, имеющий дело с таким образом мыслей, должен *действовать тоньше,* чем в том случае, когда он имеет дело с «карательным» направлением умов. Если хотят сделать из них сторонников войны, то представленные им цели войны должны быть в высшей степени рациональны и идеальны».

Итак ко всякому «больному» особый подходец: кому припарка, кому порошок, кому массаж, а кому и одурманивающий алкоголь... И совсем особый подход для своих собственных рядов. Ведь и тут нужна пропаганда — без единства в рядах господствующей группы буржуазии воевать ей еще трудней.

Вот пример особого подхода к «посвященным». На тайной конференции главари легионеров и нынешней господствующей группы Польши пропагандировали своих сторонников таким образом:

«Врагом Польши, польских традиций, системы государственности и культуры является не сосед на Западе, а сосед на Востоке. Большевизм смотрит на Польшу как на барьер, отделяющий его от Западной Европы, поэтому первый удар его будет направлен на Польшу, которая является свя-

зующим звеном интересов Англии и Франции. Проблема большевизма настолько обширна, что требует использования всех реальных факторов, могущих быть полезными Польше в самозащите. Этим первым фактором является закрепление союза с Румынией. Второй фактор — теснейшее объединение Прибалтийских республик с целью самозащиты, а, следовательно, с целью использования активной поддержки Польши и в свою очередь с целью помочь Польше в ее борьбе. На пути к этому лежит виленская проблема и конфликт с Литвой, превратившийся в какой-то бесконечный анекдот. Демократическое сожительство народов, о котором мечтают в Париже, на Востоке Европы — неосуществимая мечта. Единственный способ ликвидировать бесконечный конфликт с Литвой — это разрубить гордиев узел мечом. Польша не только смеет, но и обязана захватить Литву вооруженной силой».

Попробовали бы эти «милые шалуны» и любители «анекдотов» выйти с этими целями будущей войны на улицы Варшавы, Лодзи и пр. Не беспокойтесь, не попробуют!

Методика буржуазной пропаганды

„Публику нельзя убедить логикой, но можно настроить сказками". *Г. Ласвель.*

Итак, главное сделано — враг изображен преступником: «он» нападает, «мы» обороняемся.

«Когда пропагандист укрепит за неприятелем вину стремления к войне, тогда только начинается его настоящая деятельность», пишет Ласвель.

И важнейшая задача пропагандиста после этого — *поддерживать бодрость и энергию, бороться с усталостью, маловерием, недовольством.*

Тут уйма способов и методов. Буржуазии хочется видеть в своем народе такую напористость и «сознательность», чтобы не приходилось канителиться с осторожным и постепенным внедрением в головы масс задач войны. Фуллер пишет: «Внезапность является основой победы, и внезапная атака почти всегда успешна. Если это верно в отношении отдельных боев, то не менее верно это в отношении всей войны. Глупо предупреждать противника о том, что собираешься ударить.

Я предсказываю, что *когда нации поймут цель войны,* войны не будут объявляться».

Как поддерживать бодрость и энергию, как бороться с недовольством, усталостью, пассивностью?

Можно составить такой «реестрик» методов:

1. Враг слаб, и победить его легко.
2. Враг силен, и надо лучше готовиться.
3. Война быстро окончится.
4. Если не напрячься, война затянется.
5. «Народ-противник всегда ведет себя с демонстративным высокомерием и заносчивостью».

6. «Неприятель не только нагл, он алчен».
7. Неприятель ведет лживую пропаганду.
8. Неприятель жесток и развратен.
9. Во вражеском стане — развал. Главный враг — правительство неприятельской страны.
10. Враг нарушает международные правила войны.
11. «У нас» — полное благополучие.
12. «У нас» — масса героев и мало жертв войны.
13. «Наши» солдаты — рыцари в отношении к населению.
14. «У нас» запасов хватит надолго.
15. Все слои, классы и партии «у нас» — за защиту отечества и нации, за правительство.
16. «Наши» коммунисты подкуплены врагом.
17. Урожай будет хороший.
18. Описания слов, действий и мыслей «великих» и «высоких» людей.
19. «У нас» масса новых изобретений.
20. И рабочие и капиталисты идут добровольцами на фронт.
21. Тыл очень стоек (говорится на фронте).
22. Фронт непоколебим (говорится в тылу).
23. Дети — патриоты.
24. Противник не щадит мирного населения, оскорбляет религию и стреляет разрывными пулями.
25. Противник начал химическую войну.

26. Противник отравляет колодцы, пускает лучи смерти, распространяет инфекционные бациллы.

27. Но «у нас» есть противоядия.

28. Противник предает пыткам пленных.

29. У противника в стране голод.

30. «Наша» победа не подлежит сомнению.

Этот список можно продолжить до 1.000 пунктов. Все эти методы основаны на лжи, выдумке, замалчивании нежелательного, игре на страхе, нервозности военного времени, национальных и религиозных предрассудках, на всех тех трюках и механике, которыми так богата практика буржуазного господства над трудящимися.

Конечно, нельзя думать, что любой лживый слух распространяется или помещается в газетах без разбора. *Распространяется только то, что не может быть опровергнуто совсем или длительное время.*

Вот, например, такие сообщения: «В деревне П. найдены трупы 17 наших солдат N-ского полка с отрезанными половыми органами. Произведенное расследование командиром N корпуса генералом С. установило как факт, что эти солдаты подверглись такому надругательству при жизни, так как не хотели давать показаний о расположении войск». Подите докажите, что не существует деревни П., N полка, генерала С., N-ского

корпуса и что вообще такого факта не было. А инициалы легко объяснить военной тайной.

«Важна не правда, а правдоподобие». Конечно, делались и делаются такие глупости, что они дискредитируют и пропаганду и пропагандистские организации.

Фуллер пишет: «Хотя в начале мировой войны никто не был приготовлен к тому, чтобы вести пропаганду среди своих врагов, однако это средство борьбы получило большое развитие у обеих враждующих сторон. Целью нашей (английской) пропаганды было доказать, что немцы — «грязные собаки» и что они первые начали войну. Я не хочу говорить о том, что наши выступления были совсем неправильными. Я хочу только сказать, что когда немцы начали анализировать наши обвинения, то многие из них оказались на нежелательной для нас высоте. Вместо того чтобы держать высоко и незапятнанной нашу репутацию, мы наняли для ее защиты стаю журналистов. Эти люди, которые привыкли извлекать всю грязь из судебных разбирательств, с жадностью хищников бросились ловить рыбу в мутной воде; хотя они, без сомнения, сумели очернить германскую нацию, но зато в этой грязной атаке оказались запачканными и мы сами. Поэтому здесь я хотел лишь подчеркнуть, что такое могущественное оружие, как пропаганда,

есть палка о двух концах, и что за нее нельзя браться грязными руками».

Вывод: врать можно и надо, но осторожно и умно.

Посмотрим на клевету и обман о СССР, которыми пытаются сейчас начинить головы трудящихся классовые враги. Процесс Дружеловского, провал «письма Зиновьева» заставляет буржуазных пропагандистов действовать осторожнее, *тоньше и предусмотрительней*. И это им в известной мере удается, ибо к их услугам самый тонкий пропагандистский яд — «социал-демократический» дурман, в частности таких специалистов по очернению и оклеветанию СССР, как русских меньшевиков.

Кстати укажем, что самой лучшей «тренировкой» своих пропагандистских «мускулов» и неплохой «идейной» подготовкой масс к будущей войне является проводимая сейчас комедия «разоружения» и «миролюбия» буржуазных стран. В деле изображения себя обороняющейся стороной, а противника — нападающей, этот трюк пользуется чрезвычайной любовью буржуазных пропагандистов. Ведь неискушенному в политике рабочему и крестьянину труднее поверить, что «разоружительские» разговоры есть лишь ширма для милитаристских дел. Тем более, что кое-какие реформы армии, которые буржуазия проделывает, выдаются за «разоружение» (например,

уменьшение числа пехоты, при одновременном увеличении технических войск).

О действительном разоружении прекрасно сказал полк. Фуллер:

«Внутренний мир обеспечивается вооруженной силой, и поддержание спокойствия внутри страны является более важной задачей, чем вторжение в неприятельскую страну. Если распустить английскую армию, то придется увеличить в пять раз полицию и *вооружить ее,* или правительство может быть в любую минуту свергнуто революцией».

Организация пропаганды

„Власть над мнением перешла в официальные руки".

Г. Ласвель.

«В мобилизационной подготовке вопросы заботы о духовной жизни не имелись в виду», читаем мы у *М. Шварте* (Большая война, т. X, ч. 3).

Пропаганда приняла грандиозные размеры, и поэтому пришлось строить на ходу большие и мощные организации. Так, в Америке большую роль играл «Комитет общественной информации» под председательством Крилля, в Англии — комитеты Бивербрука и Нортклиффа, во Франции — Дворец печати, в Германии и России—бюро печати при министерствах иностранных дел, при главнокомандовании и т. д.

Все эти организации имели одну основную цель: контролировать, руководить и объединять в своих руках всю ведущуюся пропаганду. Каков был размах и мощь этих организаций, видно по следующим фактам.

Комитет Крилля состоял из двух отделов — внутреннего и внешнего. Внутренний отдел распадался на 15 отделений: 1) новостей, 2) издание официального бюллетеня, 3) гражданской и воспитательной работы, 4) фельетонистов, 5) издательское, 6) ораторов, 7) «четырехминутных агитаторов» [1], 8) отделение фильм, 9) иллюстрированных изданий, 10) выставок, 11) объявлений и извещений, 12) бюро обслуживания, 13) военной работы среди женщин, 14) работы среди иностранных подданных, 15) управление делами. Внешний отдел имел 3 отделения: 1) службы радио и телеграфа, 2) почтовой службы, 3) издания плакатов. Каков был размах этой организации, видно хотя бы из того, что ее издания выходили в *миллионных тиражах* и сотнях названий. Таким же размахом работы обладали подобные организации и в других странах.

---

[1] Это люди, которым поручалось во время войны выступать в трамвае, цирке, банках, кино и пр. с речью в 4 минуты на тему о войне. Комитет имел в своем распоряжении несколько десятков тысяч таких людей.

К чему стремятся буржуазные пропагандисты теперь? Они хотят воспроизвести опыт мировой войны «на расширенной базе». И больше всего их волнует опасение, что и в будущей войне будет иметь место некоторая разноголосица информации, «оппозиционные» выступления в парламенте и пр. Генерал Серриньи пишет: «В парламенте не всегда в достаточной мере разбирались в том, что можно говорить и о чем следовало бы умолчать».

Цензура и *запрет* — основная гарантия против таких разноголосиц. Но не всегда буржуазии удобно запрещать, ведь у нее в стране «свобода печати», ведь она проводит «демократический режим». Вот почему эту роль контроля и руководства передают полугосударственного, полуобщественного типа организациям, гарантируя себя в то же время и законами. Так, первая статья известного закона Поля Бонкура [1] гласит: «Во время войны все французы и выходцы, равно как и все *легально существующие* организации, обязаны участвовать в обороне страны и *способствовать поддержанию* ее материального и *морального существования*». Попробуйте вести при таком законе пропаганду *против* обороны страны, в то же время желая остаться на легальном положе-

---

1 Французский закон об организации нации на случай войны.

нии. А так как все реформистские и оппортунистические партии и профсоюзы «честно» собираются «защищать» отечество, то, следовательно, их легальному существованию никакой опасности не грозит.

Все писатели сходятся на той мысли, что надо создать единый мощный, авторитетный орган. Одни называют его «министерством патриотического воздействия» (Серриньи), другие — комитетом (Штерн-Руберт). Но *все мечтают об одном руководящем органе.*

И такие органы будут созданы. Больше того: зачатки их имеются уже сейчас в лице ряда бюро или издательств, занимающихся специальной травлей страны «возможного» противника, особенно советской страны. В Англии есть комитет Бивербрука по клевете о СССР. В Польше имеется специальное издание «*Борьба с большевизмом*», «ежемесячный, беспартийный и независимый журнал, посвященный защите Польши против большевистско-коммунистического вторжения» и др.

Эти органы будут безусловно мощными. Неважно, будут ли они носить печать официального или общественного учреждения, — это смотря по обстоятельствам (обстановка в стране, кто противник). «В демократических странах существует некоторое предубеждение против правительственной пропаганды... Власть над мнением

перешла в официальные руки, ибо та опасность, которая грозила в результате свободы мнений, была больше той, которая могла получиться от искажения этих мнений» (Г. Ласвель).

Эти организации подомнут («идейно», административно и финансово) всю военную пропаганду печати, школ, университетов, церквей, партий, профсоюзов, объединений писателей и художников, кинопроизводства, театров и пр. и пр.

Кто будет эти организации обслуживать, не вызывает никаких сомнений. Еще в 1920 г. ген. Серриньи писал, что «руководящая роль принадлежит всей интеллигенции страны. Префекты, служащие всех категорий, гласные, служители религиозных культов и пр., словом, все те, которые в силу своих обязанностей *имеют доступ к народной душе,* должны посвятить значительную долю своей деятельности проведению соответственной пропаганды».

А Г. Ласвель это выражает еще более открыто и цинично: «В будущем пропагандист всегда может рассчитывать на целый батальон честных профессоров, которые перепишут историю заново так, что она сможет служить требованиям момента и будет снабжать его подходящим материалом».

Опыт современной клеветы и подготовки через нее войны против СССР показывает, что Ласвель прав. «Идейно» и за деньги буржуазию

обслуживают в тех или иных формах и размерах полчища журналистов, научных деятелей, артистов, «вождей» народа и пр.

Все искусство пропагандистских аппаратов состоит в том, чтобы суметь «расставить» эти силы, использовать их, а в «мирное» время подучить и натренировать.

Но заботы пропагандистов не ограничиваются только подготовкой общегосударственного *аппарата* пропаганды. Им надо одновременно решить еще 2 задачи — создать свою агентуру и филиалы на местах и обеспечить согласованность действий с союзными государствами.

Опыт мировой войны и современной практики подсказывает им пути для разрешения и этого вопроса во время войны.

В империалистскую войну сеть филиалов была не очень густая и мало оформленная.

Сейчас можно вполне ожидать, что филиалы основного аппарата пропаганды мы увидим на местах, особенно в наиболее важных центрах.

В чьих руках будут эти филиалы? Мы полагаем, что, например, в Польше эта «высокая честь» будет оказана основным фашистским организациям, а кое-где и социал-демократическим аппаратам.

Но филиалы будут построены не только по территориальному признаку. Они безусловно будут иметься и при войсковых штабах и частях.

Ячейки их имеются уже и сейчас, в лице капелланов, духовных «генералов», офицеров-культурников и т. д.

За это говорит и то, что мысль буржуазных пропагандистов работает над одним весьма важным вопросом: над тем, как и в каких формах воздействовать на солдат не только *до войны, при мобилизации,* в тылу, в госпитале и т. д., но и незадолго до боя и *непосредственно в боях*. Толкает на это их два обстоятельства: во-первых, наш успешный опыт такой работы, во-вторых, трудность для буржуазии без непосредственного воздействия заставлять солдат итти под пули. Недаром Г. Ласвель печалится, что «на моральное состояние может повлиять решительно все: количество калорий в казенном пайке, порядок снабжения папиросами, возможность отдыха, доверие к командному составу и общественным деятелям, поведение войск, способы поддержания дисциплины».

Буржуазные пропагандисты мечтают о *политическом обеспечении каждой операции*. В одной из буржуазных военных академий учат, например, что целями «наиболее полного использования потенциальной энергии моральных факторов», являются:

1. *Поддержание боеспособности войск во время войны и*

2. *Поднятие желания итти в бой до наивысшей степени непосредственно перед сражением.*

Более подробные указания по этому вопросу мы находим в работе комитета лорда Нортклиффа. На общесоюзнической конференции по пропаганде (14 августа 1918 г. в Лондоне) Нортклифф отмечал, что факт политического разложения через пропаганду австро-венгерских войск в момент начала решающей операции против итальянцев (на реке Пиаве) «открывает перспективы на жизненную связь между политической пропагандой и военными операциями».

Таким образом, надо быть готовым к тому, что в будущей войне пропагандисты и офицеры будут стремиться политически одурманивать своих солдат и сеять неуверенность, колебания в войска своих противников не только «вообще», но и *перед* и *во время каждой операции.*

Вторая задача — совместные пропагандистские действия и согласованность с союзниками также весьма интересует наших классовых врагов. И неспроста. Уже в империалистскую войну это имело большое значение, ибо разное толкование «целей войны» сильно мешало успеху пропаганды. Классическим примером этого является особая позиция Италии в вопросе об «освобождении порабощенных наций» Австро-Венгрии. Английская и итальянская пропаганда исходили из разной политики: английская имела директиву бить по

Австро-Венгрии лозунгом «освобождения наций». итальянская пропаганда провозглашала «присоединение» (т. е. порабощение) ряда провинций Австро-Венгрии к Италии.

Упомянутая уже межсоюзническая конференция пыталась даже создать «общесоюзное бюро пропаганды».

Мы полагаем, что в будущей войне, особенно против СССР, мы увидим тесную связь пропагандистских организаций всех воюющих против Советов стран и даже, быть может, общую организацию. Ведь и в практике современной клеветнической кампании против СССР имеется и согласованность, и общность действий, и несомненно, *централизованное руководство*. Чем же иначе объяснить «удивительное» сходство «разоблачительных» материалов, одновременность выступлений и т. д.?

В практике деятельности министерств иностранных дел и обслуживающих их организаций (частных агентств, телеграфных агентств и т. д.) подготавливаются все предпосылки таких совместных действий. И мы не должны будем удивляться, если пропаганда стран, которые нападут на СССР, будет находиться в руках английско-французского «наблюдателя», как это имело место в Италии во время мировой войны, как это, с меньшим успехом, Антанта пыталась организовать во время гражданской войны. Мы пола-

гаем, что на ряду с чисто военным (оперативным и техническим) ниже приводимые пункты тайной франко-польской военной конвенции имеют и политическое значение, а, следовательно, и значение для организации пропаганды:

«п. 9. Французское правительство обязывается *проявить все свое влияние* для беспрепятственного обеспечения польских вооруженных сил необходимым военным имуществом в случае какого-либо нападения на территорию Польши...

п. 10. Французское правительство обязуется *оказать польскому правительству поддержку* в случае вооруженного конфликта с Советским союзом следующим образом: а) назначением военных советников; б) увеличением численности польского командного состава резервными офицерами и унтер-офицерами; в) согласно ст. 9, обеспечить польскую армию военным имуществом; г) применением своего военно-морского флота для блокады русского побережья».

Не подлежит никакому сомнению, что «проявление всего своего влияния», «оказание поддержки» и «назначение военных советников» будет широко затрагивать и разрешать пропагандистские задачи: убеждение французских и немецких масс в необходимости поддерживать Польшу; руководство и об'единение в руках 2-3 «советников» пропаганды ряда выступающих про-

тив СССР стран, обслуживание агентурой и фабрикация подлогов, клеветы и т. д.

Так, повидимому, будет выглядеть согласованность пропагандистских усилий буржуазных стран в будущей войне.

Но пропагандистов этих стран интересует согласованность не только с союзниками, но и с нейтральными странами. Последние для пропаганды чрезвычайно выгодны, особенно в деле «разложения» стран противников. «Нейтральной» (только по виду, конечно) стране верят больше, через нее легче раздобыть материал, шпионить и проч.

Классическим примером такого использования «нейтральной» страны в империалистскую войну являлась Швейцария. И Антанта и Германия имели в ней свои пропагандистские ячейки и агентуру, свои газеты и кино, свои издательства и т. д.

Мысль пропагандиста идет еще дальше. Он хочет иметь опору и в самой стране противника. Конечно, не открыто, а в замаскированном виде, играя на желании поживиться (покупка газет), или на национальных чувствах. Немцы в Америке, французы в Германии, чехи в Австрии в мировую войну находили себе «зацепки», которые играли не малую роль. Понятно, что в войне против СССР буржуазия попытается опереться на своих классовых друзей, чтобы их использовать как в живой пропаганде, так и для вредительства.

Орудия и техника пропаганды

„Все, что война потребовала,—наука изобретала, техника осуществляла, а организация превращала в годный для боевых условий вид".

М. Шварте.

Мы не будем подробно разбирать все орудия буржуазной пропаганды — всем достаточно известно, как буржуазия умеет их широко и с успехом использовать. Каковы эти орудия? Это печать, кино, радио, церковь, устная пропаганда (лекции, доклады, митинги), театры, изобразительное искусство, музыка, «слухи», школьное воспитание (на всех ступенях — от яслей и сельской школы до университетов), вся воспитательная работа в армии и т. д. И на ряду с этим — в качестве сильнейших рычагов — аппараты реформистских, оппортунистических партий, профсоюзов и т. д. и т. п.

По всем этим каналам течет продуманная «информация», даются очередные лозунги, ставятся новые задачи и т. д.

Основная масса этих орудий находится безраздельно в руках у буржуазии. Возьмите хотя бы печать. Для характеристики приведем следующие цифры о политическом лице печати в Германии:

«Беспартийные» газеты	46,1%
Партия центра	9,6%
Национальная партия	13,7%
Ведомственные издания	6,9%
Хозяйственная партия	6,4%
Социал.-демократич. партия	5,2%
Баварская народная партия	3,1%
Демократическая партия	2,7%
Либеральная партия	1,9%
Народная партия	1,7%
Компартия	1,0%
Остальные партии	1,4%

Понятно, что «беспартийность» 46,1% всей печати весьма подозрительна. Это, в подавляющей своей массе, пресса, находящаяся в руках крупного капитала.

Или другая иллюстрация — удельный вес разных отраслей в периодической печати (кроме газет) в той же Германии: на 17 тыс. журналов имеется 165 военно-научных, *1.599* «божественных» и 5.006 социально-экономических.

Радио (широковещание) находится целиком в руках правительств. Кино принадлежит крупнейшим капиталистам. О церкви и говорить не приходится.

Задача правительственного пропагандиста состоит в том, чтобы заставить замолкнуть «оппозиционные» голоса либеральствующих, запретить и подавить революционную печать, киноорга-

зации и т. д. — и тогда буржуазия будет безраздельной владычицей над всеми средствами и орудиями пропаганды и, следовательно, над умами масс, если... если ей удастся (а вряд ли полностью ей это удастся) подавить живучее слово классовой правды, которое из подполья, если к этому принудят, будет взывать к массам, может быть, на плохой бумаге или устно, сначала осторожно, но это слово классовой правды пробьет себе дорогу, несмотря на все запреты, рогатки и угрозы...

Буржуазные пропагандисты озабочены еще одной проблемой, на случай войны: как проникнуть в ряды противников. Ведь газету не пропустят, фильму не покажешь, театр не пошлешь гастролировать. Но опыт мировой войны и здесь богат.

Была создана специальная *«техника» проникновения в ряды противников.*

Авиация, специальные воздушные шары и аэростаты сбрасывали литературу, артиллерийскими средствами литература выстреливалась в сторону противника. Сбрасывались листовки, «пропуска в плен», плакаты, устрашающие сводки с других фронтов, «письма пленных» и т. д. Но этого было мало. Тайными путями печатались или привозились извне поддельные газеты данной страны. Англичане изготовляли «немецкие» газеты (с портретом Вильгельма для «достоверности»), немцы делали то же самое (например, для русских

пленных печатались «русские» газеты) и т. д. Это делалось для того, чтобы в этой форме доверчивее принимались читателями измышления о трудностях в тылу, на фронте; писалось в осторожной форме, «с сожалением», «неосторожно», «выбалтывая» и т. д.

Нет сомнений, что напрактиковавшись в послевоенный период на фальшивках о СССР и на ввозе этих фальшивок, буржуазия разовьет во время войны бешеную деятельность в этом направлении.

Особенно излюбленным средством явятся радио и кино (последнее — для своих и «нейтральных» стран). Недаром сейчас идет работа по изысканию способов глушения радиоволн других станций как с целью охранения своего населения от классового просвещения через советскую информацию, так и с целью «нападения», т. е. навязывания радиослушателям СССР своей лживой и клеветнической пропаганды.

Буржуазия считает, что в пропаганде за свое, идущее к закату, господство все средства хороши. И на первом месте — конечно, деньги.

Ведь надо издавать, производить фильмы, строить сверхмощные радиостанции — с большим радиусом, ведь надо оплачивать высококвалифицированных писателей, драматургов, политиков, епископов и т. д. Все это требует денег, денег и денег.

Государственные организации пропаганды, государственная касса и неоскудевающая рука капиталиста, огосударствление орудий и техники пропаганды, цензура, штрафы, суды и тюрьмы — гарантии *против* пугающей пропагандистов «разноголосицы» и за единство пропаганды, ее массовость, непрерывность и напористость.

ГЛАВА III

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ

Задачи организационной работы

Пропаганда призвана создать необходимое для успешной войны, вызванной в интересах буржуазии, настроение масс. Но настроение масс — дело капризное.

Ф. Бернгарди в книге «О войне будущего» пишет: «Вспомним слова Гёте: *Воодушевление не селедочный товар, который можно поддерживать в цене на много лет.* Оно может вскипеть моментально, охватить массы и увлечь их, но оно редко выдерживает тяжелые и опасные обстоятельства, если только оно не создано успехом и не поддержано *крупными властными личностями.* Только немногие *богом одаренные люди* способны на прочное, не поддающееся даже несчастью, самостоятельное воодушевление».

Буржуазия целиком придерживается этого указания Бернгарди. Генералы и государственные «мужи» говорят своим пропагандистам: вы агитируйте, убеждайте, увлекайте сказками, одурманивайте массы. Сделайте так, чтобы массы *по собственной, доброй воле* пошли под пули и снаряды. Но мы не дураки. Мы на всякий случай подготовим и ряд других средств, на случай, если пропаганда сдаст, если массы потеряют к ней веру, ее не станут слушать и начнут заниматься революциями.

Эти средства:

Подготовка верных кадров для армии и безопасность в тылу.

Разработка карающих и устрашающих массы законов.

Разработка законов, подкупающих массы уступочками и материальными подачками.

Укрепление будущих театров войны.

Подготовка вредительской и шпионской работы в странах будущих противников и т. д.

«Пропаганда есть отражение необъятности, рациональности и своеволия современного мира», кончает свою книгу Г. Ласвель. Буржуазия стремится нейтрализовать это «своеволие» (т. е. классовые противоречия) современного мира не только пропагандой, но и организацией и принуждением.

Рассмотрим отдельные элементы этого орудия буржуазного господства.

О какой армии „мечтает" буржуазия

„Человеческая масса в материальном сражении уже ничто; более того: она—зло".

Г. Зольдан.

В среде буржуазных военных мыслителей уживаются самые противоречивые взгляды. Один — за армию машин с минимумом живых людей, другой — за колоссальную массовую армию.

Тут нужно сразу сказать, что эта противоречивость во взглядах *отражает объективные противоречия,* при которых буржуазии приходится строить свои армии. «Мечтания» буржуазии об идеальной армии — это мечтания о такой армии, которая не подвергалась бы или, по крайней мере, в минимальной степени подвергалась бы влиянию неустранимых классовых противоречий, заложенных в классовом капиталистическом обществе.

Мы советуем читателю прочесть чрезвычайно интересную и обстоятельную статью тов. Бубнова, помещенную в журнале «Большевик» № 6 (1929 г.) под названием: «Военные планы и военная действительность современного империализма [1].

Некоторые товарищи пытались возражать тов. Бубнову, приписывая ему, что он переоцени-

[1] Вышла отдельной брошюрой. (Гиз, 1929 г.).

вает мечтания генералов и принимает их за реальные планы. Этого, конечно, нет в статье тов. Бубнова.

Наоборот, он как раз показывает, что «мечты» буржуазии — это показатель понимания ими противоречивости их задачи построить боеспособную армию в современных условиях и понимания, что, следовательно, надо всячески искать путей для создания, несмотря на трудности, боеспособной армии.

Мысль буржуазных военных политиков и практиков можно коротко сформулировать в следующих 4 тезисах:

1) опыт мировой войны убедил буржуазию в слабой боеспособности современных массовых армий именно по политическим причинам: армии разлагаются, как только растет революционное движение, классовая борьба в стране;

2) буржуазия поэтому хотела бы иметь армию из машин, обслуживаемых классово-однородным составом, идейными и сознательными защитниками капиталистического строя;

3) но современный уровень военной техники и все условия ведения современной войны (мощь артиллерии, значительная длина фронтов, большая живучесть сражающихся сторон, благодаря мобилизации народного хозяйства и т. д.) не дают возможности удовлетвориться армией, в которой «мало людей и сильные машины»;

4) следовательно, возможен только компромиссный вывод — создать *массовые армии* (количественное требование), но политически наиболее устойчивые (качественное требование).

Итак, о чем мечтают буржуазные генералы и политики?

Они «хотели бы» иметь армию с отборным классовым составом. Приведем несколько мыслей по этому поводу Г. Зольдан [1].

«Мы устанавливаем, что чем выше было боевое воодушевление части, чем больше значилась вообще ее боевая ценность, тем больше были и ее потери».

«В материальном сражении сражаются уже не массы, — ибо массы уничтожены, прежде чем дело доходит до боя».

«Человеческая масса в материальном сражении уже ничто; более того: она — зло».

«В век материального сражения массовая армия—*это пережиток*».

«Силы, которые двигают бойца, высокое чувство долга, нравственная серьезность, смелость и мужество, демоническая любовь к опасностям и т. д.».

В таком же духе высказывается неоднократно английский полковник Фуллер, например:

---

[1] Г. Зольдан, Человек и битва будущего. Гиз, 1928 г.

«Коллективная выносливость армии тесно связана с ее численностью и, как это ни странно звучит, чем больше армия, тем меньше ее психологическая выносливость».

«Человек на поле сражения является помехой как с физической, так и с психологической точек зрения; поэтому выносливость не следует искать в увеличении численности».

И так далее в этом стиле. Общий вывод, к которому приходят такого рода военные писатели,—это «банкротство миллионных армий», это расчет не на мобилизацию пригодного населения, а лишь на призыв тех, кто готов «добровольно выступить на защиту данного дела, это расчет на особо подобранный профессиональный состав офицеров, которые не были бы, как в армиях народных, «выходцами из всех слоев народа и тесно связанными с тылом» и т. д.

Иными словами, *буржуазия мечтает* как для надобностей *внешних* войн, так и *внутренних* (Фуллер говорит, что в Англии надо организовать сеть полицейских постов, «достаточно сильных, чтобы выдержать нападение, и достаточно подвижных, чтобы оказывать помощь друг другу») *о классово однородной, классово спаянной, технически чрезвычайно сильно вооруженной, профессиональной добровольной армии.*

Есть ли у буржуазии такая армия, о которой она мечтает? Несомненно, что *некоторые свои*

мечтания буржуазия уже реализует, тем самым ослабляя опасные и слабые для себя стороны политической структуры армии.

Какую армию буржуазия фактически строит

„Армией завтрашнего дня, конечно, станет вооруженный народ."
Генерал Серриньи.

И хочется и колется. Сказавши, что нужна классово однородная профессиональная наемная армия, любой генерал видит, что такая армия не дает гарантий победы. Вот почему фактически строятся всеми буржуазными странами *массовые армии.*

Несколько фактов и цифр. Начнем с количественных показателей. (См. таблицу на стр. 98).

Первый и основной вывод — количественно большого роста нет, наоборот, есть даже некоторое снижение численности, *кроме англо-индийской армии.* Второй вывод — некоторому весьма незначительному сокращению общей численности регулярной армии сопутствует значительное изменение удельного веса *технических войск,* особенно воздушного флота. Так, в Англии численность людей в воздушном флоте увеличилась в 22 раза.

Но эти цифры ничего еще не говорят (а на них буржуазия *спекулирует* — «смотрите, мы уже

Динамика численности современных армий

Название страны	Общая численность	Пехота	Кавалерия	Артиллерия	Технич. и специальные войска	Воздушный флот	Прочие войска
Англия							
Кроме армии в Индии — в 1914 г.	575.090	352.901	46.318	94.227	25.185	1.429	55.030
Кроме армии в Индии — в 1929 г.	426.498	230.489	16.341	69.652	36.343	33.000	40.663
Армия в Индии — в 1914 г.	296.232	176.442	30.775	25.892	5.829	—	57.294
Армия в Индии — в 1923 г.	347.935	150.819	15.978	23.768	14.265	1.861	141.244
Франция							
в 1912 г.	637.700	356.800	73.200	94.800	18.300	2.000	92.600
в 1929 г.	589.200	295.000	46.100	91.800	24.700	30.800	100.800
Польша							
в 1924 г.	299.700	134.400	37.300	48.500	16.250	7.300	52.050
в 1929 г.	272.900	127.300	37.700	31.400	19.500	11.200	37.100

разоружаемся»), если не посмотреть на три фактора.

Первый: каковы сроки службы раньше и теперь, т. е. уменьшилась или увеличилась пропускная способность кадров армии для обучения населения?

Второй: растут или уменьшаются военно-общественные, фашистские организации, и какая роль им отводится в строительстве армии?

И третий: какие качественные изменения произошли в людском материале этих кадров регулярной армии?

Все данные говорят о том, что современные армии значительно увеличили так называемое накопление обученного запаса путем уменьшения сроков службы (и на этом, пользуясь невежеством масс, в военном деле «разоружатели» тоже спекулируют). Это дает им возможность пропускать значительно большие массы людей. Если к 1914 г. основные европейские страны вышли с обученным запасом в 8 млн. людей, то сейчас они уже накопили круглый военный капитáлец в 20 млн. обученных запасных солдат.

Возьмем Францию. В 1872 г. у нее был срок действительной службы *5 лет*. В 1910 г. срок был снижен до 2 лет. Правда, в 1913 г. в предвидении войны, чтобы непосредственно подготовиться к мобилизации и в то же время «не нару-

шить законно положенной численности армии (а фактически нарушили), армия перешла к 3-летнему сроку службы. В 1923 г. перешли к 1½ годам, а сейчас идет подготовка к 1 году службы.

Эстонская армия сократилась на 5 тыс. человек, но и срок службы сократился с 18 месяцев до 12 месяцев.

Что дает такое сокращение, понятно каждому: если армия состоит, допустим, из 100 тыс. чел. и из них меняется (путем призыва и увольнения) 80 тыс. чел., то при 2-летней службе за 10 лет будет обучено и накоплено в резерве 400 тыс. человек, а при годичной службе — 800 тыс. человек.

Вся «премудрость» внешних разоружительных трюков состоит в том, что современные регулярные армии реорганизуются и приспособляются для более четкой, рациональной и эффективной работы по накоплению обученного запаса солдат, унтер-офицеров и офицеров. Отсюда некоторое сокращение численности, особенно пехоты, кавалерии и учреждений, где легче всего в короткие сроки обучить солдат.

Военное значение фашистских организаций

„Крепкими парнями, а не массами, держались боевые армии мировой войны". *Г. Зольдан.*

Регулярные армии никогда не смогли бы подготовить те *колоссальные массы* обученных бойцов

младших офицеров, которые нужны буржуазии для назревающих новых войн.

Эта задача в значительной степени переложена на *фашистские, добровольные военные общества.*

Что они собою представляют количественно в сравнении с регулярными войсками?

Возьмите, например, Финляндию. В этой маленькой стране, которой, готовясь служить и угождать своим крупным хозяевам, приходится сразу мобилизовывать все способные носить оружие возрасты [1], имеется:

В регулярной армии	В фашистских организациях
29.565 чел.	100.000 чел.

В других странах

		В регулярной армии	Фашистов
В Эстонии	в 1923 г.	14 тыс.	13 тыс.
	„ 1929 г.	10 „	33 „
В Латвии	в 1923 г.	20 „	18 „
	„ 1929 г.	20 „	40 „ (по плану увеличивается до 75 тыс. чел.)
В Польше	в 1929 г.	273 тыс.	1.865 тыс.
Во Франции	в 1929 г.	590 „	в 1927 г. было 1.100 „

[1] Кстати сказать, после империалистской войны, повидимому, во славу „разоружения" повсеместно увеличились возрасты военнообязанных. Так, во Франции вместо 20 возрастов (в 1882 г.) сейчас 28 возрастов.

В САСШ в 1926 г. имелось по основным организациям следующее количество:

1. Американский легион	около	700.000 чел.
2. Бой-скауты		570.000 „
3. Союз христианской молодежи		1.000.000 „
4. Радио-лига		несколько млн.
5. Химическая ассоциация		„ „
6. Союз армии и флота		„ „
7. Ку-Клукс-Клан		3.800.000 чел.
8. Спортивные общества и др.		несколько млн.

Что собою представляют все эти организации? Уже тот факт, что их численность значительно превышает регулярные армии и что на них тратятся очень большие суммы из государственного бюджета показывает, что буржуазия придает этим организациям первостепенное значение.

Вот несколько цифр и фактов. Больше половины французских фашистов (600 тыс. из 1.000 тыс.) субсидируются правительством.

Польша в 1925 г. отпускала 2 млн. злотых, в 1926 г. 3 млн., в 1927 г. 4 млн. Одному только министерству вероисповеданий и просвещения отпущено на вневойсковую подготовку и физическое воспитание 10 млн. злотых.

Командный состав финляндских, эстонских, латвийских и других фашистских организаций назначается, перемещается и *оплачивается* военным министерством.

Насколько велико *военное* значение фашистских союзов, видно уже из того, что в эти союзы стягиваются и включаются основные боеспособные возрасты, начиная с 17-18 лет. Главная масса фашистов — это цвет военнообязанных возрастов — от 18 до 30-летнего. В составе польского фашистского союза «Стржелец» имеется — 62% в возрасте от 16 — 21 года, 31% в возрасте от 21 — 30 лет, 7% — старше 30 лет.

Истинные цели фашистских союзов, как правило, прикрываются общими разговорами о физкультуре, здоровье, развлечениях, общем развитии и пр.

Но иногда и проговариваются. Вот как формулирует задачи фашистского союза передовая статья журнала «Стржелец» (союза того же названия — основной опоры пилсудчины):

«Мы должны планомерно и заблаговременно расширить сеть своего влияния на самые широкие круги общественности, дабы охватить ими не только тех, кто сегодня желает работать над своей подготовкой, *но и тех, невышколенных, кого государство спешно потребует в дни мобилизации*... (Вот почему) каждый стрелец должен стараться приобрести в своем кругу наибольший авторитет и моральное влияние, стремясь к тому, чтобы на своей фабрике, мастерской, в селе или школе стать чем-то вроде вождя, даже среди людей, не имеющих значения с точки зрения

военной подготовки... Этот авторитет позволит не только во время войсковой мобилизации, но и не менее важной мобилизации на случай внутренних затруднений, мобилизовать под знамена государства и вождя—миллионы».

В том же духе пишет польский полковник Ровецкий: «Сегодняшний характер социальных отношений и угроза революционных потрясений в самый критический момент для каждого государства, т. е. в момент мобилизации, вынуждают выделить значительные силы для обеспечения внутреннего порядка в момент мобилизации и начала военных действий. Вероятнее всего, что для этих целей будут привлечены специальные формирования с ярко выраженным классовым характером, например, в Италии — фашисты, в Германии — разные националистические организации и т. д. Эти полувоенные формирования, или организации, смогут быть применены после окончания мобилизации для дальнейшего формирования войсковых частей; их внутренняя спайка и большая моральная ценность будут определять их большое значение».

Вот не оставляющая никаких сомнений ясная и четкая задача фашистов в Польше. Если сюда еще прибавить такую, например, принципиальную задачу — «обороны Польши от большевиков», как ее формулирует виленское «Слово», то роль фашистов выяснена до конца. Эта газета

провозглашает «оборону» Польши с такой целью: «*Российские земли должны явиться естественным выходом нашей как хозяйственной, так и культурной экспансии*».

Финляндский шюцкор (основная фашистская организация, почти чисто государственная) провозглашает такие задачи, когда разрешается применять организацию в качестве вооруженной силы: для поимки преступников и дезертиров; для конвоирования дезертиров и пленных; для охраны государственного имущества при общественных бедствиях и т. д. Но уже тот факт, что в шюцкоре — цвет финского офицерства, показывает, что этот перечень не полный. Основная задача — *подготовиться и влиться в ряды регулярной армии* при ее мобилизационном развертывании, а если надо будет, то и действовать самостоятельно. Шюцкоры преимущественно готовят младшего и среднего командира и специалистов (связистов, пулеметчиков и т. д.).

Латвийские фашисты (Лига защиты — «Айзсаргс») провозглашают свои задачи более откровенно: *борьба с коммунизмом,* борьба с забастовками, поддержка регулярной армии.

О чем все это свидетельствует? О том, что фашистские организации готовят тех «крепких парней», о которых мечтает Зольдан. Фашистские организации готовят *организующие, цементирующие элементы* для своих армий. И на ряду

с этим являются колоссальным *аппаратом вневойсковой подготовки* более широких масс.

Само собой разумеется, что, выполняя эту военную задачу для регулярной армии, фашистские союзы целиком сохраняют свое значение как мощный инструмент для подавления революционного движения, для борьбы на внутренних фронтах. Недаром там и женщины и мужчины возрастов, идущих по мобилизации в армию.

Фашизм не был бы фашизмом, если бы он не стремился *подавлять* революционное движение и *укреплять* свои армии, шагающие по острию ножа классовых противоречий, руками самих рабочих и крестьян, но рабочих и крестьян наиболее обманутых, введенных в заблуждение, захваченных в тенета буржуазной идеологии.

Мы уже подчеркивали эту характернейшую черту современной «идейной» обработки масс буржуазией. Но, конечно, добровольное вовлечение в фашистские организации, как и вообще во все буржуазные организации и дела, организует не капиталист в цилиндре и не генерал, а «демократия» — пепеэсовцы в Польше, социалисты в других странах.

Недаром, *латвийская социал-демократия сокрушается* над близорукостью военного министерства, которое нелегко пускает эсдеков в ряды айзсаргсов и рабочих в офицерские школы: ведь как выиграли бы эти организации, если бы эсдеки

освятили их окончательно своим именем и задрипанным флагом свободы!

Польская организация «Стржелец» имеет в своем составе рабочих 24%, крестьян 53%, ремесленников 13%, интеллигентов 10%.

Финский шюцкор имеет 60 — 70% крестьян, 25 — 30% интеллигенции, 5 — 10% рабочих.

Эстонская «Лига защиты» имеет крестьян (зажиточных, главным образом) 51,6%, с.-х. рабочих — 7%, поденных и индустриальных рабочих — 3,2%, остальные — учащиеся, сыновья буржуазии и т. д.

Латвийская «Лига защиты» («Айзсаргс») — с.-х. рабочих — 18%, зажиточных крестьян — 75% и т. д.

Пусть польские цифры преувеличены, это несомненно. Но они характерны, ибо показывают в таком случае желания буржуазии. Во всяком случае, фашистские организации дадут наиболее крепкую, активную прослойку в армию, чтобы охватить ее и быть в ней «вождем», «крепкими парнями», «властными личностями» и т. д.

Если к этому прибавить, что попавших в фашистские организации учат, что «шюцкор или часть его не должны принимать участия в деятельности политического характера» (как будто борьба с забастовкой аполитичное действие), а на самом деле их накачивают односторонне в духе господствующей группы буржуа-

зий; если сюда добавить, что в своеобразных условиях Польши в фашистские ряды пытаются втянуть и «верных сынов отечества» других национальностей (белоруссов, украинцев, литовцев), то картина ясная. *Фашистские организации,* которые по самым приблизительным подсчетам дадут в мелких странах не меньше 30—35% развертываемых по мобилизации армий, *призваны помочь разрешению полной противоречий задачи — строить массовую армию, но избегнуть при этом политических опасностей этих массовых армий.*

Регулирование качественного состава армии

„Членов и участников революционных организаций и вообще неблагонадежных в войска не брать, особенно в технические части и штабы".

Из одной инструкции.

Буржуазия очень озабочена тем, чтобы в ряды ее армии не проникли революционно настроенные элементы. Она полагает, что хоть и нужна массовая армия, но эту роскошь она себе позволить не может. Напрасно беспокоится: *каждый* рабочий и трудящийся крестьянин таит в себе семя революционности. Рано или поздно, — а

война — это сильное «удобрение» для этого рода семян, посеянных объективным ходом вещей, историей, — сегодняшние «благонадежные» солдатики покажут буржуазии свое истинное революционное нутро не хуже, чем это сделали русские солдаты в 1917 г.

Ну, а пока что буржуазия пытается не только через фашистскую прослойку, но и другими мерами регулировать качественный состав армии.

На первом месте, конечно, *подбор офицерского состава*. Это костяк, хребет всего. Во Франции воспитывают офицеров в 2-3 излюбленных школах, поступить в которые чрезвычайно трудно: нужно пройти сложный конкурс. А известно, что там, где в буржуазной школе конкурс, там происходит «естественный» классовый отбор — попадают дети из зажиточных семейств.

Вот цифры в армии САСШ: 27% — сыновей фермеров, 20% — торговой и промышленной буржуазии, 16% — чиновников, 10% — лиц свободных профессий и т. д.

В Польше два принципа: будь истым пилсудчиком (следовательно, минимум, мелким городским буржуа или крупным кулаком) и будь поляком. Но... это не мешает, заигрывая вообще с украинской и белорусской интеллигентской и кулацкой верхушкой, отдельных представителей последних (наиболее верных) допускать до «великой чести» надеть офицерский мундир. Но... это

также не мешает заигрыванию и другого сорта: офицерам рекомендуется распускать о себе слухи, что «я не я, я не пан и не шляхтич, а просто потомственный пролетарий, а потому я, как *польский пролетарий,* стою за защиту моей республики (с позволения сказать!) и *вождя*».

Затем идут меры в отношении *унтер-офицеров*: их отбирают очень тщательно и стремятся, путем все большего расширения их числа в качестве сверхсрочно служащих, создать вторую, после офицеров, опору.

Так, в польской армии имеется в 1929 г. 57.650 унтер-офицеров и из них — 37 тыс. сверхсрочно служащих, т. е. 64%. А всего в польской армии *офицеры и сверхсрочно служащие унтер-офицеры* составляют 26,4% к рядовому составу.

Конечно, при мобилизации цифра уменьшится, но *эта профессиональная часть армии будет продолжать играть свою роль костяка.*

Такое же явление мы видим и в других армиях. В финской армии профессиональная часть составляет 22,6%, а среди унтер-офицеров сверхсрочно служащих — 65%. Число последних в Эстонии — 77%.

Но буржуазия ищет и находит и другие способы. Так, в некоторых армиях введена система индивидуальных карточек на призывников: как кто замечен в революционных действиях или

просто подозрителен, так его сейчас же берут на заметку. При этом подозрительных приказывается брать в пехоту, но ни в коем случае не в технические войска, особенно авиацию и штабы. А явно уличенных в революционных мыслях или, «боже упаси», в членстве какой-либо революционной организации просто не берут в армию. А чтобы рабочим неповадно было для освобождения от воинской повинности революционными делами заниматься, некоторые инструкции дают мудрый совет проводить этот учет в полнейшей тайне. Но нет ничего тайного, что не становится явным.

Не оставляет буржуазия без внимания и *регулирование социального состава*. Так, нам известно, что в одной из армий даются указания, в какой род войск какой минимум людей со средним и высшим образованием давать при комплектовании и мобилизации. А известно, что и этот признак в буржуазном обществе является синонимом принадлежности к буржуазному классу.

И, наконец, *национальный состав армии*. Этот вопрос особенно беспокоит одну страну, которая разбухла не по силам и никак не может переварить съеденные нации. Совсем, как крыловская лягушка — вот-вот лопнет. Здесь воевать — литовцы ненадежны, там воевать — немцы ненадежны, тут воевать — украинцы, белоруссы и литовцы вместе свинью подложат. Беда! Но многого не сделаешь: ведь это окраины, сроки готов-

ности небольшие, а в составе окраинных национальностей резервистов много. Вот и приходится, не надеясь целиком на пропаганду идеи федерации наций под эгидой господствующей нации, ее *Вождя* (с самой большой в мире прописной буквы), гарантии ради, «регулировать»: рассиропливать мобилизованных солдат этих наций, бросать часть их на заслон (или фронт) других окраин, немцев — на восток, литовцев — на юго-запад, украинцев — на северо-восток, белоруссов — на запад и т. д.

Поможет это? Отчасти да, ибо «свою» нацию (частично пока еще охваченную в своей крестьянской части шовинистскими предрассудками) буржуазия этой страны также «рассиропливает» по всей армии, стремясь поддерживать наименьший процент — в 25, а наибольший — в 70 — 75.

Итак: *классовый отбор офицерства, создание профессионального унтер-офицерства, солдатский костяк из фашистов и интеллигенции, отсев заподозренных в революционном мышлении, рассиропливание «опасных» наций,* — вот основные меры, которые применяет буржуазия, чтобы выскочить из заколдованного круга: массовая армия нужна, но массовая армия опасна,— надо создать малую армию с богатой техникой. Но с такой армией воевать нельзя, — следовательно, надо все-таки создать массовую армию.

И когда товарищи делают в нашей литературе ударение на то, что создаваемые буржуазией армии — *массовые,* то они делают ошибку. *Ударение* надо делать на том, что буржуазия *принимает все меры,* чтобы ослабить отрицательные результаты *неизбежной для нее массовой армии.* Дело сейчас не в массовости этих армий (этого никто из серьезных исследователей у нас не отрицает), а дело в *качественном составе,* который хочет (и не без некоторого успеха) придать буржуазия своим армиям.

Только так следует понимать постановку вопроса о тенденциях и планах буржуазии в ее военном строительстве.

И еще многие другие организационные меры

„Кузнецы, коновалы, попы и другая нестроевая сволочь должны находиться от линии огня не ближе 7 верст, дабы своим гнусным видом не смущать сердца бойцов".

Почти по Петру Великому.

„Полевой епископ соответствует чину дивизионного генерала; главный раввин соответствует чину полковника".

Документально по Пилсудскому.

Мы не останавливаемся на всех других организационных мерах, которые должны подпереть результаты пропаганды, в том числе и «воспита-

нии» солдат в армиях. Укажем лишь наиболее характерные и важные.

Если ген. Людендорф, видя в 1916—18 гг. «падение нравов», т. е. ухудшение состава офицерского корпуса и падение его авторитета у солдат, робко ставил вопрос о специальных занятиях по патриотическому воспитанию солдат, то современные армии имеют сейчас законченные для этого аппараты, программы, методы и средства.

Во французской армии имеется специальное бюро при военном министерстве, которое руководит «моральным и интеллектуальным воспитанием, офицерскими собраниями, унтер-офицерскими собраниями, очагами для солдат, войсковыми библиотеками».

Для характеристики приведем несколько положений из программы «гражданской грамоты» французской армии: исторический и моральный фундамент идеи нации; солидарность поколений и преемственность национальной жизни; национальный идеал и его постоянное осуществление; патриотизм — защита цельности родины; обязанности гражданина и т. д. Проводить эти занятия обязаны все офицеры.

В Германии проводится подобная же работа.

Американская армия, снабдившая все свои части капелланами, полагает, что лучше всего можно добиться боеспособности армии, если солдату привить религиозное воспитание, атлетику и

рекордсменство, чувство гордости за свое американское происхождение и подданство, и если заботиться об устройстве почаще вечеринок с проверенными «во всех отношениях» девушками.

Эстонская армия организует широко политическое воспитание, начиная программу с древней истории эстонцев как воинов и кончая изучением истории «освободительной войны от большевиков». При этом дается такая установка: «При рассмотрении прошлого и настоящего народа необходимо исходить из одного: народ для своей работы и развития нуждается в мире. Однако как в индивидуальной, так и в международной жизни господствуют конкуренция и борьба, существует вражда, которые заставляют нас защищать свой дом и результаты мирного труда».

Польская армия стремится повысить роль церкви дарованием попам, ксендзам и раввинам офицерских чинов. Мы не можем удержаться, чтобы не привести здесь выдержку из одного приказа «Верховного Вождя Пилсудского» (он же—первый польский маршал):

«Устанавливаю следующие названия чинов духовных лиц — для вероисповеданий:

1. Католического. 1) Полевой епископ (соответствует чину дивизионного генерала). 2) Генеральный декан (бригадного). 3) Декан (полковника). 4) Пробст (подполковника). 5) Старший капеллан (майора). 6) Капелдан (капитана). 2. Вероисповедания евангеличе-

ского, т.е. аугсбургского, униатского и реформаторского. 1) Сениор (соответствует чину полковника). 2) Пробст евангелический при командире корпусного округа (соответствует чину подполковника). 3) Старший евагелический капеллан (соответствует чину майора). 4) Капеллан (соответствует чину капитана). 3. Для православного вероисповедания. 1) Протопресвитер (соответствует чину полковника). 2) Декан при командире корпусного округа (соответсвует подполковнику). 3) Старший священник (соответствует чину майора). 4) Священник (соответствует чину капитана). 4) Для вероисповедания моисеева. 1) Главный раввин (соответствует чину полковника). 2) Старший раввин I класса (соответствует чину подполковника). 3) Старший раввин II класса (соответствует чину майора). 4) Раввин (соответствует чину капитана). Священнослужители вероисповеданий, перечисленных в пп. 2, 3, 4 раздела III, могут по выслуге предусмотренных уставом о военном духовенстве лет службы получать персонально один чин выше.

Обмундирование и знаки отличия для военных священнослужителей нормируются особым распоряжением военного министра».

В армии применяется еще и ряд других мер. Так, очень распространено, конечно, всяческое *изолирование солдат от рабочих масс*. В разной форме солдатам (по разному в каждой армии) «даются» политические права с тем, чтобы всей системой политического влияния и безраздельного господства в казарме заставлять солдат голосовать за тех, кто угоден буржуазии. Сопротивляющихся этому преследуют, проникающих в ка-

зармы агитаторов неугодной партии судят, как шпионов.

Сюда же относятся и такие постоянно повторяющиеся требования штабов к офицерам, как заботливость о быте солдат, некоторые меры улучшения этого быта, указания о «терпимом» отношении к солдатам угнетенных наций и т. д.

Близко к организационным мерам внутри армии находятся *меры по политическому укреплению своих окраин,* т. е. будущих театров войны. И эта мера призвана ослабить отрицательное влияние на ход войны со стороны недовольных наций и слоев населения. А известно, что особенность каждого буржуазного государства состоит в том, что оно когда-либо захватило или в будущем мечтает захватить «окраины», заселенные другой нацией.

Особенно преуспевает в таких мероприятиях Польша. Недаром — уж очень у нее в печенках сидят беспокойные «крессы». Польши восстановила во второй четверти XX века старину: казацкую систему укрепления окраин.

Путем предоставления выгодных кредитов и хороших участков земли поселяют на восточных крессах вербуемых «верных солдат» Пилсудского. Их задача — быть «партизанами в тылу противника», как сами себя именуют так называемые «осадники».

Сейчас уже насажено около 15 тысяч осадников, из которых 8.280 — бывших военных. Они имеют собственные кредитные кассы, молочные и другие торгово-промышленные предприятия и пр.

Но польский фашизм не хочет на этом успокоиться. Он не верит белорусским и украинским крестьянам. Он хотел бы ими овладеть пропагандой, но на запас, гарантии ради, создает и расширяет крепкую «осаду», сильный слой организаторов, маленьких «вождиков» и тех же «крепких парней».

Предоставим слово одному польскому полковнику:

«Организация («Стрелец») не располагает большим числом людей, свободных от связи с определенной местностью и согласных итти в осадчики, но штабом ведется точный учет легионеров, готовых по первому призыву выполнить любое приказание. Штаб располагает 63 тыс. легионеров-такой категории, уже давших свою подписку, но, входя в положение каждого из них, штаб без крайней надобности, не перебросит такого легионера, который от этой переброски пострадал бы материально. Заявления вольнских, полесских, а также белорусских помещиков-поляков уже давно лежат в канцелярии штаба. Кадры подобраны, люди подготовляются, и скоро штаб, независимо от правительственных распо-

ряжений, самостоятельно перебросит на восточные крессы от 15—18 тыс. проверенных и испытанных людей, подготовленных к ответственной роли охранителей польской государственности на окраинах».

Видно, плохо дело на крессах, если, не ожидая результатов «новой политики», они бьют тревогу: «дайте скорее осадников».

Вот еще из беседы одного руководящего лица:

«Польские помещики на крессах чувствуют себя теперь хуже, чем раньше. Их положение напоминает 1921 г., когда никто не был уверен, что он проснется утром в своей кровати. Рассчитывать на войска и на полицию не приходится, их слишком мало для обширной территории крессов. *Надо создать самооборону, и кадром этой самообороны должны быть легионы*».

Или слова другого:

«Волынское воеводство еще более характерно для восточных крессов, чем Новогрудское. Если в других воеводствах поляк чувствует себя на чужой территории, то на Волыни мы чувствуем себя, как партизаны в тылу у противника. Прилив осадчиков несколько укрепил нашу пограничную линию, но зато озлобил против нас сельское население. Тактика украинцев, поддерживаемая правительством, не искренна. Украинское течение на Волыни, во-первых, течение совето-фильское и только формально прикрывается лояльностью по

отношению к Польше. Нам нужно на Волыни опираться на реальную силу, для чего необходимо настоять на *присылке новых колонистов* из Познани и Великой Польши».

Не оставляет буржуазия без внимания и школу, промышленность и т. д. Везде на заводах организуется свой «глаз», своя «прослойка», которая должна выследить революционеров, контролировать вновь поступающих после мобилизации на заводы рабочих, «организовывать провокации», чтобы выявить опасные мысли и людей.

Школе дается задача подготавливать детей к вылавливанию шпионов и «революционеров-пропагандистов» в тылу, а для этого рекомендуется создавать специальные отряды из школьников. Лозунг здесь обычно такой: сперва оборона страны, а потом школа.

Особую роль играют специальные законы, постановления и государственные акты. Их можно разбить на 2 группы: во-первых, — устрашающие и обезоруживающие пролетариат и, во-вторых,— «подкупающие».

Почитайте тезис 3-й постановления VI конгресса Коминтерна о борьбе против имериалистских войн: «Законы о профсоюзах в Англии, в Норвегии, арбитраж в Германии, план Монда о сотрудничестве химических промышленных компаний в пользу «мира в промышленности», аполитичные профсоюзы («спенсеризм» в Англии),

«компанейские профсоюзы» в Америке, создание фашистских государственных профсоюзов в Италии, закон о милитаризации профсоюзов в случае войны во Франции».

Сюда следует добавить — законы о защите нации (Франция, Америка), опубликование решений военных судов («корректное напоминание», что кому и за что грозит во время войны), законы об обеспечении семейств военных, инвалидов, повсеместные открытия памятников «неизвестному солдату» и т. д. и т. д.

И нечего говорить, что не последнее место в политических средствах борьбы занимают *методы подпольной, вредительской* и прочей работы.

Так вот буржуазия *подкрепляет пропаганду организационными мерами,* из которых торчат уши самого сильного, но и опасного (палка о двух концах) орудия. Имя ему *принуждение.*

«Пропаганда и сила — вот основа организации» трудящихся масс, чтобы заставить их драться против своих же братьев, порабощенных буржуазией другой страны, или против своего пролетарского отечества в лице СССР.

Но эти меры не давали бы нужного буржуазии эффекта, если бы за роль *главного пропагандиста и организатора масс для этих задач войны не бралась совершенно добровольно социал-демократия.*

ГЛАВА IV

УЧАСТИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ

Лиха беда начало...

„Дорогой Эде, ты осел, ибо о таких вещах не говорят, а их делают".
Из письма одного социал-демократа другому.

Иногда встречаешься с таким недоуменным вопросом: «Но почему же, десятилетиями шедшая во главе масс, социал-демократия *вдруг изменила* свою политику, притом прямо-таки в один день — 4 августа?» В том-то и дело, что такие политические чудеса *сразу, вдруг, в один день не совершаются.* То, что произошло 4 августа, т. е. та резкая позиция защиты буржуазного отечества, которую заняли в дни начала войны социал-демократы во всех странах, родилось не в миг, а явилось результатом длительного процесса. Лишь

отсутствие обостренной обстановки, и отсутствие необходимости показать свое истинное лицо давало возможность социал-демократичесыим вождям до поры до времени прикрывать красным знаменем (которому они уже втихомолку изменяли) свои язвы и гнойники.

Первый конпресс Коммунистического интернационала дал такую оценку Бернской конференции социал-демократических партий (1919 г.), бывшей «опытом гальванизирования трупа II Интернационала»: «Уже в 1907 г., на международном социалистическом конгрессе в Штутгарте, когда II Интернационал приступил к разрешению вопроса о колониальной политике и империалистических войнах, выяснилось, что больше половины II Интернационала и большая часть его вождей в этих вопросах стояли гораздо ближе к взглядам буржуазии, чем к коммунистической точке зрения Маркса и Энгельса».

В статьях, посвященных Штутгартскому конгрессу, В. И. Ленин (в 1907 г.) уже отмечает оппортунизм точек зрения Эрве, Геда, Бебеля.

Но под давлением революционного крыла (Ленин, Р. Люксембург) конгресс все же принял следующую поправку к резолюции: «Но если все же вспыхнет война, социалисты обязаны вмешаться ради скорейшего ее окончания и стараться всеми средствами использовать создавшийся благодаря войне экономический и политический кризис с

целью пробудить массы народа и тем самым ускорить падение власти капитализма».

Постепенно перерождаясь и сращиваясь с буржуазией, погрязая в болоте «мирного расцвета» капитализма, социал-демократы *для маскировки* голосовали еще за революционные решения и манифесты. Так, например, довольно единодушно был принят и знаменитый Базельский манифест, знаменитый тем, что через 1½—2 года основная масса «вождей» сделала «как раз наоборот».

Чего требовал этот манифест?

«Социалисты всего мира, — пишет о нем В. И. Ленин, — торжественно заявили в 1912 г. в Базеле, что они считают грядущую европейскую войну «преступным» и реакционнейшим делом *всех* правительств, которое должно ускорить крушение капитализма, неминуемо порождая революцию против него. Наступила война, наступил кризис. Вместо революционной тактики большинство с.-д. партий повело реакционную, становясь на сторону своих правительств и своей буржуазии. Эта измена социализму означает крах II (1889—1914) Интернационала, и мы должны дать себе отчет в том, чем вызван этот крах, чем порожден социал-шовинизм, что дало ему силу» [1].

---

[1] В. И. Ленин, Социализм и война, том XIII, стр. 102.

Буржуазия сумела повести за собой рабочие массы, главным образом, благодаря содействию социал-демократии. Крепко захватив в свои руки социал-демократических рабочих, а через них и значительные массы беспартийных рабочих, «вожди» в момент войны бросили на чашу весов весь свой авторитет, теоретический ложный «марксизм», организационную мощь и повернули рабочих на путь «обороны отечества».

Недаром, цитированный уже профессор К. Дельбрюк писал в сентябре 1914 г.: «Мы не только должны благодарить социал-демократов за то, что они отбросили в сторону всю программу и пошли вместе с нами под общим знаменем, — мы должны еще понять, *какие огромные заслуги они оказали непосредственно своими организациями*. Представим себе, что у нас не было бы этих больших рабочих организаций, и что все эти миллионы противостояли бы государству как отдельные индивидуумы. Тогда легко можно себе представить, что среди них оказалось бы не мало таких, которые остались бы в стороне от всеобщего движения и оказали бы пассивное, а то и активное сопротивление призыву в армию».

Ничего себе оценочка социал-демократии. Горе социалистов в том, что это правильная, вполне правильная оценка. Так оно и было на деле.

Социал-демократы всех стран показали в империалистскую войну 1914—18 гг. образец весь-

ма и весьма «добросовестного» осуществления лозунга «обороны отечества».

Напомним вкратце, как в 2-3 дня все четче и откровеннее ставились социалистами новые задачи пролетариата в связи с войной, как, так сказать, формировалось «общественное мнение» партийных рядов и пролетариата.

Германская партия, например, провозглашала:

25 июля 1914 г. «Сознательный пролетариат Германии во имя человечности и культуры поднимает голос горячего протеста против преступных натравливаний сторонников войны».

31 июля 1914 г. «Объявлено военное положение. Ближайший час может принести уже известие о начале мировой войны... Мы требуем от вас терпеливо ждать, в непоколебимой уверенности, что будущее, несмотря на все, принадлежит сливающему народы в братство социализму, справедливости и человечности».

1 августа 1914 г. «Работа на пользу общего мира теперь прерывается... Над всем господствует один вопрос: *хотим ли мы победить. И наш ответ гласит: да*... Немецкие жены и дети не должны стать жертвами русских жестокостей, германская земля не должна стать добычей русских казаков».

И дальше, по наклонной плоскости—до 4 августа, голосования за военные кредиты. С этого момента началась повседневная работа по угова-

риванию и организации немецкого рабочего класса для победы германских капиталистов.

В таких же тонах и такими же темпами сходили со своих *словесно признаваемых позиций* французские социалисты («Социалисты выполнят одновременно свой долг патриотический и долг социалистический: если они окажутся лицом к лицу с нашествием, то они выполнят весь их долг перед отечеством, перед республикой и революцией), русские меньшевики («С Германией надо бороться, ее необходимо победить»), английские и пр. и пр.

Возьмите, например, меньшевистскую декларацию в связи с объявлением войны, и вы поймете, как низко они пали: «И российская социал-демократия, активно вмешавшись в события, с тем большей силой будет влиять на последующие события рука об-руку с товарищами социалистами всего мира. По политическим условиям всей страны она не имеет возможности принять участия в управлении страной и *в организации обороны* подобно своим бельгийским и французским товарищам. Но в пределах всех доступных ей средств она окажет содействие в войне державам Тройственного согласия (в том числе и царскому правительству—*Ф. Б.),* чтобы потом, после войны, иметь право и возможность принять влиятельное участие в установлении новых форм международной и своей внутренней жизни».

Работа социал-демократов не ограничивалась только общеполитическим «обоснованием» и «теоретическим» обобщением тактики пролетариата в деле обороны «своей» страны. Работа носила (и будет носить) и практический характер.

Вот примеры. В июле 1915 г. в Париже возник «Комитет социалистической пропаганды для национальной обороны». Ряд социалистов вошли в министерства для участия в организации обороны. Ряд социалистов обслуживали разведывательные органы (об этом, например, рассказывает «спец» по разведке — немец Николаи). Ряд социалистических газет формировали общественное мнение, имея сеть своих корреспондентов на фронте. Были созданы общественные, благотворительные и другие организации силами и при участии социал-демократов.

Немецкий декабрьский «Социалистический ежемесячник» (1914 г.) пишет:

«Мы ведем оборонительную войну, которая вызывает необходимость подготавливаться до самого последнего человека, способного носить оружие. Вот почему сейчас по всей Германии агитируют за организацию военной подготовки молодежи. Социал-демократическая программа требует воспитания готовности обороняться. Свободный (?!) народ должен уметь владеть оружием, его военная деятельность — защита и оборона для мирной жизни и общества. Но существующее воен-

ное воспитание имеет ряд недостатков. Чтобы их уничтожить, не остается ничего иного, как уже с детского возраста начать подготовку к военной службе... *Совершенно безразлично, как относятся отдельные лица к этой задаче: партия и профессиональные союзы не могут пройти мимо нее».*

Социал-демократия изменила, предала рабочий класс. Кровь, пролитая в мировую бойню, есть в значительной степени результат этой измены.

Эта измена одновременно принесла и свои положительные плоды. В. И. Ленин так говорит об этом значении предательства «вождей»:

«Европейская война принесла ту великую пользу международному социализму, что наглядно вскрыла всю степень гнилости, подлости и низости оппортунизма, дав тем великолепный толчок к очищению рабочего движения от накопленного десятилетиями мирной эпохи навоза» [1].

Но, ускорив разоблачение оппортунистов, расчистив путь для оформления и сплочения действительно революционных социалистов, измена социал-демократов не убила еще в массах веры в эти партии. Они имеют еще не мало влияния на пролетариат, в том числе и в *проблеме войны*. Вот почему особенно важно разоблачить фашист-

---

1 В. И. Ленин, Социализм и война, том XIII, стр. 106.

скую, социал-империалистскую сущность военных программ и военной практики современных социалистов, выдающих эти свои программы и действия за «чистый марксизм».

„Природа“ войны в понимании социал-демократов

„Тезис Штутгартского конгресса, что капитализм является войной, неприемлем“.

Соц.-дем. В. Шварц.

Опыт изменнической, предательской работы в империалистскую войну учтен социал-демократами полностью. Они сейчас, особенно в такой главенствующей в области теории партии, как германская, озабочены тем, — чтобы к будущей войне выйти с более едиными, организационно и идейно сплоченными рядами. Мировая война застала основные массы их партии в значительной степени врасплох. Над многими еще «тяготела» революционная фразеология «вождей».

Сейчас все форштанд'ы (руководящие центры) озабочены тем, чтобы ряды их партий осознали целиком оборонческо-изменническую политику и всей душой шли бы за этой политикой.

И естественно, что первым и основным вопросом воспитания в социал-демократических массах «правильных» взглядов является формулировка

«природы» войны. В зависимости от этих формулировок находится и вся военная политика социал-демократии. Определение «природы» войны есть предпосылка для военной программы всех социал-демократических партий.

Как определяет социальную сущность войны В. И. Ленин? Для него *главное* в войне как общественном явлении то, что

Во-первых: «Война — не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедывающие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма *капиталистической* жизни, как и мир».

Во-вторых: «Война есть продолжение политики иными (а именно: насильственными) средствами» — марксисты справедливо считали всегда это положение теоретической основой *взглядов на значение каждой данной войны*» [1].

VI конгресс Коминтерна пропитал этими положениями все свои решения о борьбе компартий против опасностей войны, заявив, что: война не отделима от капитализма; капитализм — вот причина войн новейшей истории; «уничтожить» войну можно только путем уничтожения капитализма и т. д.

---

[1] В. И. Ленин, Положение и задачи социалистического Интернационала, том XIII, стр. 16.

А Каутские? Они, ничему не научившись в империалистической войне, продолжают старую песенку, что та война — результат злой воли царей и королей. Больше того: пользуясь тем, что прошло от войны немало времени, и в предвидении задач будущей войны, они врут и обманывают массы еще больше.

Вот послушайте «самого» Каутского: «Война возникает *не вследствие конкретных противоречий*, но создается атмосферой вооружения и союзов, имеющих целью сохранить мир», а атмосфера вооружений «порождается лишь недоверием», т. е. опять-таки злой волей. А там, где какое-либо действие зависит от «злой» воли (т. е. личных желаний царей, королей, президентов), там всегда можно ей противопоставить и «добрую» волю (в лице социал-демократов, парламентов и так далее).

Так и комментирует эти мысли Каутского более откровенный социалист Шварц. Он пишет: «В последнее десятилетие не произошло ни единой войны между европейскими великими державами в результате империалистических спорных вопросов». Выходит, что мировая война есть результат только вооружательской лихорадки, что эта война не имела под собою никаких экономических причин, и что, следовательно, она вовсе не была империалистической.

Больше того. Эпоха империализма совсем не чревата войнами. Последние совсем не являются неизбежным продуктом этой эпохи: «Нет ничего более неверного,— пишет Каутский,— как утверждение, что продолжительный мировой мир может наступить лишь с воцарением социализма, и что пока существует капиталистический способ производства, войны являются неизбежными». По Каутскому, Гильфердингу и другим «вождям» — война сама по себе, империализм сам по себе.

Дальше они учат, что война — вообще детище феодализма. Вот как об этом пишет социалист В. Шварц: «Капитализм разбил феодализм и абсолютизм; и теперь он разрушает и самый институт войны, и он может добиться своей конечной исторической победы: упразднения войны как средства политики». Он дальше развивает ту мысль, что «войну ведут монархи», что «капиталисты всех стран могут торговлей или огнем завоевывать полмира, между собою же они всегда умеют сохранять мир», что «лихорадка вооружений исходила всегда не от демократий, а от милитаристских монархий», и что, наконец, «директора предприятий, экспортеры и биржевики ничего общего с возникновением мировой войны не имеют; эта война возникла не из-за конкуренции и борьбы за дележ мира».

Итак: виновники войны — *монархи,* даже при наличии парламентов. Но ведь сейчас монархов

в крупных странах, как известно, нет. Нет его и в Германии. Последняя тоже стала демократической страной.

Следовательно? Следовательно, *выходит по Каутскому, Шварцу и Гильфердингу, что война—принадлежность монархизма, феодализма — не является продуктом капитализма, не является неизбежной* при современном «демократическом» этапе капитализма.

А раз так, раз война зависит от воли людей, от «монархов, их генеральных штабов и министров иностранных дел, которые единолично решали вопрос о войне», раз этих злых людей, этих «бяков» нет, то мальчики от «социализма» спокойны: можно играть в свои излюбленные игрушки—никто не помешает, злой дядя — война—не придет.

И они учат рабочих не бояться войны. Ее не будет, «ибо история капитализма не знает ни одной войны капиталистических демократий между собой» (Шварц).

Вот из какой *гнилой и преступной предпосылки* исходят социал-демократы, ставя во всю ширь перед рабочим классом «своей» страны лозунг «обороны» буржуазного отечества.

А эта предпосылка в свою очередь покоится на той оценке современного этапа капитализма, которую по праву программа Коммунистического интернационала квалифицирует как *измену марк-*

сизму, как законченный либерально-буржуазный реформизм и откровенный социал-оппортунизм. Гильфердинг так формулирует социал-демократическую оценку капитализма: «Век свободной конкуренции, когда капитализм находился целиком во власти слепых законов, миновал. Мы приближаемся от хозяйства со свободной игрой сил к организованному хозяйству». Вывод для рабочих: «не бойтесь войны».

«Оборона отечества» и социал-демократия

„Социал-демократия, как определенно республиканская партия, является „самой верной отечеству" и „самой национальной партией" из всех."
Редактор „Форвертса" *Ф. Штампфер.*

В тот момент, когда социалисты признали, что, во-первых, капитализм не обязательно вызывает войну, и что, во-вторых, современный капитализм находится на новом этапе организованного хозяйства, который социалистам надо защищать, чтобы приблизить социализм, в этот момент социал-демократы попадают цепко в лапы основного, лживого и рассчитанного на обман масс лозунга империализма — «обороны отечества».

Подкрепить этот лозунг, сделать его приемлемым для широчайших масс, несмотря на его ди-

скредитацию в прошлую войну — эту тяжелую задачу берут на себя социал-демократы. И осуществляют они эту задачу с известным распределением труда. Социал-демократы прямо и открыто проповедуют и зовут массы к прямой, недвусмысленной защите «своего» буржуазного отечества. К таким относится руководящая группа в германской, французской, латвийской и других партиях, например, министры-социалисты в Германии (Мюллер и др.), редактор «Форвертса», Штампфер, бывший военный министр Австрии с.-д. Ю. Дейч и т. д. Посмотрим, как доказывает Юлиус Дейч необходимость защиты рабочими империалистской «родины» в лице Германии, Австрии и т. д.

Для него исходной точкой является оценка той «почвы», на которой он стоит, т. е. социально-политической сущности германского государства. Для коммуниста никаких сомнений быть не может, что защищать буржуазное, империалистское государство рабочий класс не должен. Наоборот, надо войну, раз возникшую в такой стране, превратить в гражданскую.

Но... *для Юлиуса Дейча Германия — отнюдь не буржуазная страна.* Он пишет: «Переворот (9 ноября 1918 г.) сломал господство феодальной касты... Одним ударом рабочий класс достиг (???) власти или участия во власти... Правда, народовластие в Германии еще не окончательно гаран-

тировано... Но все же народной власти принадлежит хороший кусок настоящего и, конечно, все будущее. Республика — еще даже не законченная буржуазная демократия. Но все ограничения, сделанные нами, не должны закрывать их глаза на тот факт, что *Германская республика, как она есть, представляет собою почву, на которой пролетарская (?!) партия может и стоять и успешно действовать*».

Лучшей агитации за необходимость воевать буржуазии и желать не приходится. Социал-демократы «от Маркса и Энгельса» доказывают необходимость защищать буржуазное «отечество». Дейч дальше пишет: «Из прежнего отрицания государства стало и должно было родиться ясное признание государства».

Социалисты каждой страны доказывают, что *их государство* находится на таком этапе, когда их демократические завоевания вполне заслуживают защиты их от покушений других стран. Да ведь, кроме того, и не покушается никто (ведь капиталисты только разве колонии любят «пощупать», но не родную себе страну).

Тот же Дейч распевает старую песенку, так затрепанную еще в мировую войну, — песенку о том, *когда именно* рабочий класс должен защищать свое отечество. Он это должен делать во всех случаях, когда более прогрессивная страна вынуждна защищаться против нападения отста-

лой. И тут апелляция к истории, Марксу и Энгельсу. Ленин неоднократно разоблачал этот трюк, эту спекуляцию на традициях и некритическом перенесении исторических примеров в современную обстановку. Социал-демократы следуют тут по стопам буржуазного пропагандиста Г. Ласвеля, который учит, что *лучшее средство доказать «справедливость обороны» — апеллировать к истории,* извращая последнюю.

Тот же Дейч пишет: «Рабочие партии мощно выросли в большинстве стран, там и здесь пришли и к власти. Они (партии) везде будут воздействовать, чтобы *не допускать до военного разрешения имеющих противоречий.* Но если, несмотря на это, возникнет война, рабочие партии с еще большим трудом, чем раньше, смогут противопоставить пассивное *нет* своей стране. Им (партиям) *придется* принять участие в войне в качестве участника и организатора обороны».

Еще четче ставит тот же вопрос об «обороне отечества» «левый» П. Леви. Он пишет: «Хочу ли я защиты страны *до* революции или только *после* перехода власти к пролетариату? На это надо сказать: социалист желает защиты родины *всегда*».

Буржуазия может быть довольна. Первую и самую трудную задачу — доказать необходимость «защиты отечества» — взяли на себя социалисты и выполняют ее неплохо. Посмотрите,

например, на французского *социалиста Поля Бонкура*. Его имя должно быть известно всем рабочим. Ему следует сейчас уже поставить памятник, такой памятник, который выражал бы всю *мерзость, гниль и преступность «социалиста» и «социалистических» партий,* создавших нечто подобное бонкуровскому закону о защите нации. На этом памятнике надо написать следующие стихи[1]

ПОДКИДЫШ

Ребенок с тыквенной, громадной головой,
С усами русыми, с седеющей косой,
С паукодлинными, но сальными руками,
С огромным животом, но узкими кишками.
Подкидыш: в колыбель его один капрал
Подкинул к нам, а сам у нас украл
Младенца в пеленах. Урод—плод преступления,
Рожденный, может быть, от гнусного сближения
Охотничьего пса с развратным стариком...

Вот таково лицо современной социал-демократии. Социалист создает закон защиты нации. Ему мало той бессознательной, слепой инерции, кото-

1 Цитирую по книге П. Фрелиха, Германская социал-демократия в союзе с капиталом.

рая двигала массы в пасть бойни. Ему нужна осознанная, организованная «защита родины».

Но ему нужен и закон, ибо он не надеется на *все* массы. Недаром социалист Фуртвенглер пишет: «Партия, у которой нехватает смелости *требовать от народа всех жертв,* необходимых для его существования и его свободы (?), становится партией, достойной презрения, и она по своей непригодности должна погибнуть».

Роль социал-демократии как пропагандиста за лозунг «защиты отечества» ясна. И успехи у нее есть — немалая часть рабочего класса слушается ее лучше, чем буржуазию. Вместо того чтобы капиталисту притти на завод и сказать рабочим: «Друзья, защищайте мои капиталы, вложенные в колонии» (капиталиста такого прогонят), вместо этого к рабочим идет «свой» социалист и поучает: «Надо быть готовым отразить нападение врага, который хочет отнять у нас наши демократические свободы». Конечно, такой маскарад выгоден.

Недаром люди из ППС в обиде на Пилсудского, что тот не использует их. Пепеэсовец Либерман, выступая в польском сейме об изменениях в конституции, так «нанимался»: «Нельзя уничтожать демократию, нельзя лишать сейм его прав, так как *рабочий класс окончательно* (!!) *потеряет веру* в возможность мирным путем улучшить свое положение».

Нельзя думать, что работа социал-демократов ограничивается только общей агитацией за «защиту отечества». Их работа носит очень *конкретный характер*. Приведем для примера хотя бы то, что на страницах социал-демократических журналов обсуждается вопрос *об организации противовоздушной обороны* общими усилиями. Предлагается, например, объединение усилий таких организаций: специальных обществ воздушно-химической обороны, профессиональных союзов, специалистов и научных работников, *представителей владельцев предприятий,* коммунальных органов, *полиции,* прессы и *местных властей*. Политическая цель обороны — сохранение обороноспособности населения, борьба с подавленностью, сохранение производства нужных фронту продуктов и т. д.

Во всех странах откровенно выражают социал-демократы свои верноподданические чувства буржуазному строю. Так, например, очень откровенно выступил латышский социал-демократ Калныныш. Его мысли сводятся к следующему: социал-демократия и теперь высоко держит знамя мира. Но... партия должна считаться с тем, что, пока не достигнуты абсолютные гарантии мира, партия не может выступать против армии своей страны, которая может находиться под угрозой (а ведь социал-демократы Латвии учат массы, что Латвии-то именно и угрожает сосед с востока — СССР).

Но как ни убеждала бы социал-демократия, что надо *в случае войны защищать свое буржуазное отечество,* у рабочего остается ряд недоуменных вопросов: а нельзя ли избегнуть войны? А где гарантия, что милитаристы, сидящие в армии, не вызовут войну? Что эта армия будет драться не только во вне, но и внутри страны? Нельзя ли растущую опасность войны ослабить?

На все эти вопросы *социал-демократия отвечает обманом и ложью.* Во-первых, — говорит она, — капитализм и война ничего общего не имеют; во-вторых, разоружение гарантирует оттяжку и ослабление опасности войны; в-третьих, коммунисты все наврали насчет этой опасности — ее нет; в-четвертых, если война настанет, то к этому времени армия будет в наших руках; в-пятых, рабочий класс достаточно силен, чтобы войны не допустить; в-шестых, главный зачинщик войны— СССР; в-седьмых, в-восьмых—и т. д., а главное— надо быть готовыми, если все же война вспыхнет, защищать «свою» страну.

Таким залпом вранья, *усыпляющего сознание рабочих набором фраз,* социал-демократия стремится создать в рабочих массах уверенность, что можно спокойно заниматься повседневными делами, что возможности войны не видать и не слыхать. Это вранье — лучшее выполнение пропагандистского заказа буржуазии. «Отрицать возможность войны,— пишет социал-демократ Фуртвенг-

лер,— для «посвященных» — ошибочно, а для политики — преступно. Социал-демократия не должна пренебрегать ничем из того, что может послужить в защиту ее отечества, потому что страна, которая не может в критические дни, когда решается ее судьба, рассчитывать на преданность рабочего класса, была бы жалким отбросом».

Чтобы ослабить неприятный эффект, который может создаться (и создается) у рабочих откровенной постановкой вопроса о необходимости защищать буржуазное отечество, социал-демократы, вслед за буржуазией *усыпляют бдительность рабочих:* опасности войны нет, а если и есть, то не страшна, ибо «государства разоружаются». Прямо, как в анекдоте о разбитой вазе: во-первых, я вазу не брал; во-вторых, когда я брал, она была уже разбита; в-третьих, когда я ее возвращал, она была цела.

«*Опасности войны нет. Ее выдумали коммунисты*». Этот тезис стар, как стар оппортунизм. И до и во время войны Ленина обвиняли, что он на костях войны хочет создать революцию. Это обвинение коммунистов особенно усилилось сейчас (в частности, в связи с решениями VI конгресса Коммунистического интернационала). Так, например, *Отто Бауер доказывает, что Коминтерн ждет не дождется войны,* ибо полон пессимистического отношения к возможности революции.

Или Каутский: «В действительности проповедники мировой революции (коммунисты) видят себя вынужденными проповедывать новую мировую войну, а также способствовать, где возможно, ее возникновению (ибо им нужна война как прелюдия к революции)».

Гильфердинг говорит, что «переворот в политической надстройке в борьбе рабочего класса за власть открывает также новые перспективы в борьбе против войны», ибо пролетариат сейчас так силен, благодаря «завоеванию политической демократии», что, «опираясь на растущую враждебность к войне», последнюю всегда удастся предотвратить демократическими методами.

Каковы же эти «демократические» методы? На это отвечал П. Леви. «Ни одно буржуазное государство не осмелится нынче начать войну против воли трудящихся масс». Кто этому поверит после опыта 1914 г.?

«Социал-демократия, отвергая кредиты на вооружение, отклоняя войну и т. д.... становится сильнейшим гарантом мира». Кто этому поверит после опыта 1914 г. и броненосца «А»?

«Наиболее действительное средство социал-демократической защиты отечества заключается в существовании могучего по своей политике и воле пролетарского Интернационала...» Кто этому поверит после опыта 1914 г. и всей империалисти-

ческой и колониальной — поработительской политики II Интернационала?

Все эти положения *нужны социал-демократии для усыпления бдительности пролетариата.* Недаром «она требует мирного разрешения всех международных конфликтов посредством обязательных третейских судов, демократизации Лиги наций и развития этой последней в действительный инструмент мира». Так говорится в тезисах к проекту программы немецкой с.-д. по военному вопросу.

Такой же усыпляющий лозунг был дан к 1 мая этого года в воззвании Интернационала: «Не только за свои классовые интересы, но за дело всего человечества борется пролетариат, когда требует, чтобы были, наконец, выполнены торжественные обещания разоружения». Разоружение, которое сама буржуазия цинично рассматривает как ширму для подготовки войны (вспомните слова Фуллера о разоружении), социал-демократией также используется. Что происходит под флагом разоружения? Внешнее частичное количественное уменьшение регулярных войск и единиц флота и *резкое качественное усиление вооруженных сил.* Возьмем для примера морской флот. Англия имела до войны 487 плавающих единиц, а сейчас имеет немногим больше 200. Линейных кораблей было 60, а сейчас 20.

Но зато: из 60 — ¾ кораблей были старого типа с водоизмещением в 13 тыс. т., а сейчас имеются линкоры новые в 40 тыс. *т.* Старые стоили 900 тыс. — 1½ млн. фун. ст., а новые стоят по 7½ млн. У старых — один бортовой залп весил 1—2 *т*, у новых — 8—9 *т.*

Разоблачает ли кто-нибудь эту сторону разоружительной спекуляции? Нет! Наоборот, *социалисты делают торжественную мину* — ведь наступили райские времена, человечество само, благодаря демократии, разоружается! Рабочие, не бойтесь войны! Капиталисты стали паиньками и сами разоружаются. Но, но... ведь надо и меру знать: ведь *совсем* разоружиться опасно (недаром Фуллер говорит о пятикратном в таком случае увеличении полиции). Ведь речь («между нами—государственными мужами») должна итти не о полном разоружении, *а лишь о «нормированном вооружении».*

«Замечательную» теорию развивает социалист В. Шварц. Он пишет (в журнале Die Gesellschaft), что «капиталистическая демократия» даже исключила из обихода своих взаимоотношений войну. Буржуазии сейчас нужна армия для двух целей— как гарантия против рабочего класса (ибо к «сожалению», революцию иногда еще изображают не как исторический процесс, а как акт насилия, а это пугает, и зря пугает, буржуазию) и как гарантия против непослушания колониальных народов.

Вот почему Шварц, *приветствуя буржуазию за пакт Келлога,* говорит, что смысл разоружения— в ослаблении внутренней мощи капитализма, направленной против рабочего класса.

Отсюда и «социалистическая» программа действий:

«Главная задача соглашения о вооружениях должна преследовать ту цель, чтобы ни одно государство не имело бы наготове для нападения, в случае международного конфликта, *больших масс обученных* и вооруженных войсковых частей. Поэтому международное соглашение должно добиваться:

1) возможно *малочисленных войск* в казармах (кадров мирного времени);

2) *ограничения запасов оружия,* которые каждое государство будет иметь право содержать...

3) *короткие сроки службы* и т. д.»

Мы спрашиваем этого и всех других Шварцов: как мыслят они отношение буржуазии к этим «убийственным» пунктам? Мы категорически заверяем читателей: *буржуазия подписывается под этими пунктами обеими руками.*

Современное *качественное усиление армий* держится именно на этих пунктах. Что значит содержание малочисленных войск в казарме? Ведь это основа современной системы «отработки» бойцов и командиров запаса. Будущие армии будут миллионными. Эти миллионы надо *накопить* в качестве

запаса (резервистов). И это делается путем *уменьшения кадра армий* и резкого увеличения «всеобщего» обучения — пропуск через казармы, сокращенные сроки службы, фашистские организации и т. д. Важно иметь для этого отборный кадр профессионалов (офицеров и унтер-офицеров).

Что значит ограничение запасов оружия? *Да ведь буржуазия за это предложение:* какой смысл держать полными военные склады, если, во-первых, имеющиеся образцы вооружения армий (пулеметы, танки, аэропланы и пр.) быстро стареют и если, во-вторых, современная промышленность приспосабливается буржуазией для быстрого и планомерного перевода на обслуживание нужд фронта. Буржуазии при этих условиях *невыгодно* вкладывать средства в мертвый капитал запасов, не могущих быть, к тому же, полностью использованными во время войны.

Социал-демократия, таким образом, на «социалистическом» блюде подносит массам соблазнительный пирог буржуазного «разоружения», служащего *исключительно для маскировки* большой, серьезной и чреватой новой войной перестройки армий, их модернизации.

Недаром, более практичный Ю. Дейч, бывший австрийский военный министр, говорит, что «социал-демократия должна позаботиться о том, чтобы *настоятельно необходимому превращению* фе-

одальной армии в армию века индустрии сопутствовало превращение армейской автократии в демократическую армию».

Буржуазия ничего другого и не желает. Польбонкуровская система реорганизации армии, существующая ныне система в Германии, покоится именно на этих «р-р-революционных» требованиях социал-демократии.

Это настолько бьет в нос, что даже Пауль Леви не может обойти это молчанием и вынужден признаться: «Так как индустриальная мощь народа, его техника, его производительные силы и т. д. не поддаются разоружению, то *всеобщее разоружение означает не равномерное ослабление вооруженных сил всех государств, но усиление того государства, которое имеет более сильный военный потенциал* (Германия, например, уже не требует больше усиления мощи рейхсвера)... Всеобщее разоружение означает значительное усиление потенциальной силы Германии и т. д.».

Но, признав это, Пауль Леви все же не сходит с оборонческо-империалистской позиции социал-демократии, ибо всеми своими предложениями (всеобщая воинская повинность и пр.) фактически поддерживает свою, германскую, буржуазию в ее обмане масс и в ее системе подготовки вооруженных сил.

Особенно характерным и выпуклым проявлением социал-империализма является вся *работа и*

участие социалистов в строительстве своих буржуазных армий.

Все разговоры о демократической армии есть фактически участие и помощь в укреплении буржуазных армий. Ведь исходят социал-демократы не из того, что надо сейчас сломать буржуазное господство, а потом строить пролетарские вооруженные силы. Они (каждая партия для своей страны) исходят из того, что ныне существующий политический строй вполне приемлем и требует активного участия социал-демократии в его защите. Следовательно, «демократическое переустройство» армии есть попытка *усилить армию новыми методами, методами эпохи фашизма и социал-империализма.*

Ю. Дейч, например, говорит, что «простое отрицание армии — неразумная политика. Она (эта политика) не влияет и не может повлиять на то, чтобы армия исчезла, но зато она исключает влияние социал-демократов на армию...» Это влияние мыслится с.-д. весьма конкретно. Спрашивается: усиливается или ослабляется армия при наличии такого влияния? Или так: кому легче было бы провести кредиты на броненосец «А» — правительству крупной буржуазии или социал-министрам? Конечно, последним. Влияние с.-д. в армии и на армию шире — на всю подготовку вооруженных сил и будущей войны — означает *ослаб-*

ление отрицательных факторов боеспособности страны.

Социал-демократы своим участием в деле подготовки «защиты отечества», т. е. вооруженной мощи буржуазии своей страны, берут на себя *политическую ответственность* за военную политику и, естественно, что обманутые и классово малосознательные массы пойдут и послушаются своих «вождей», даже в тех случаях, когда те же шаги и политика (постройка броненосца, нападение на другую сторону, подавление революционного восстания в колониях), исходящие непосредственно от буржуазии, встретили бы отпор, негодование, забастовки и демонстрации.

Так социал-империалисты выполняют роль «идейных» вождей масс, подготавливаемых к новой бойне за интересы империалистов.

Программа военного строительства П. Леви, этого «левого» социалиста, по существу еще более реакционна, чем приведенные выше (3 пункта) требования «правых».

П. Леви требует:

«Покуда профессиональная армия противостоит населению, как враждебный элемент, защита страны не может быть осуществлена. *Буржуазия напрасно старается устранить это противоречие.* Наоборот, социал-демократия имеет эту возмож-

ность, а также — ввиду того, что при известных обстоятельствах на нее будет возложена обязанность защиты отечества — и должна устранить эту трещину в обороне страны».

Немецкая буржуазия может Паулю Леви, как это делает французская в отношении Поля Бонкура, отвесить низкий поклон. *Устранить главную опасность в деле военной подготовки и боеспособности страны берется «самый левый» из левых — Леви.*

«При помощи рабочих спортивных организаций надо организовать,— пишет дальше Леви,— военные курсы, из которых можно будет черпать пополнения».

И это замечательно. Ведь сейчас главный метод подготовки буржуазных армий — это *вневойсковая подготовка.* И П. Леви берется помочь этому делу. И не только он. Например, в Германии, под идейным руководством социал-демократов, вкупе с буржуазной демократической партией процветает *социал-фашистский союз «Рейхсбаннер»;* то же в Австрии в лице *«Шуцбунда».* Основная масса рабочих спортивных союзов (в Латвии, Германии и т. д.) есть филиалы фашистских организаций, занимающихся вневойсковой подготовкой.

Характерно, например, что социал-демократы убеждают и просят буржуазию не устранять их

влияние и их людей от фашистских дел и союзов. Латвийские с.-д. плачутся, что рабочей молодежи трудно получить офицерский чин, и что буржуазия напрасно не пускает членов с.-д. в союз Айзсаргс (Лига защиты).

В заключение приведем словаа П. Леви: «Этой и подобной реформами социал-демократия стремится достигнуть полного единения и единства страны в случае необходимости ее обороны».

Итак: 1) лозунгами «обороны» и доказательствами, что «наша» страна в опасности, что на нее собираются напасть; 2) усыплением бдительности рабочих и доказательством, что реальной военной опасности нет; 3) лозунгами разоружения и переключением революционной энергии рабочих с борьбы с капитализмом и опасностью войны на борьбу за частичное разоружение и «нормирование» вооружений; 4) принципиальной поддержкой буржуазии и практическим участием в укреплении, строительстве и лихорадке роста вооружений империализма *социал-демократия оказывает неоценимые услуги буржуазии,* стремясь обеспечить последней спокойный и сплоченный *тыл* (гражданский мир) и боеспособную, политически единую *армию.*

Социал-демократия тем самым превратилась в политического помощника и агента военных министерств и генеральных штабов.

Лозунги войны против СССР фабрикуют «социалисты»

„Главный лозунг: „Общая борьба пролетариев всех наций Союза за демократическое преодоление большевистской диктатуры".

Из платформы русских меньшевиков.

Сейчас уже не подлежит никакому сомнению, что *агитационно-пропагандистскую подготовку войны против СССР взяли на себя социал-оппортунисты.* Буржуазии невыгодно и опасно самой выполнять эту ответственнейшую часть подготовки войны. Устами и руками социал-демократии это дело получается солиднее, надежнее и спокойнее.

Свою задачу социал-демократы выполняют энергично и, в зависимости от занимаемой «позиции» («левые», «центр», «правые» и пр.),—более или менее тонко и умно или глупо и грубо.

Если «правые» прямо говорят о защите своего отечества и отсюда о необходимости целиком соединить свои усилия с буржуазией (например, Поль Бонкур), то «теоретики», Каутский или П. Леви, более хитро и тонко обосновывают оборонческие задачи своего рабочего класса. Прямо сказать, например, что в СССР ничего революционного нет (а более глупые так говорят, и им по-

этому меньше верят), не в духе Каутского. Это дело — обосновывание ненужности для германского рабочего защищать СССР в случае нападения кого-либо на нас, он облачает в «теоретические» вуали.

Он говорит «совершенно отвлеченно» о «востоке», в котором якобы при захвате власти пролетариатом «интеллигенция стремится использовать эту власть для немедленного введения социализации народного хозяйства».

И дальше:

«При этом стремлении, превосходившем его силы, пролетариат (имеется в виду СССР) должен был потерпеть поражение и потерять демократическую свободу, которую он завоевал, пожертвовав ею новому деспотизму бюрократически-милитаристского типа, под руководством диктатуры интеллигентов, с которыми пролетариат чувствует себя связанным. *Постольку* эта диктатура пролетарского происхождения. Однако она так же мало означает господство пролетариата, как и господство наполеоновских генералов во Франции, вышедшее из режима террора, не обозначало господства парижской мелкой буржуазии. Бонапартизм, наоборот, накопился в действительности на подавлении этих мелких буржуа».

VI конгресс Коммунистического интернационала так формулировал эту подлую работу социал-демократии:

«Социал-демократия идеологически подготовляет войну против Советского Союза. Вот некоторые из этих методов: а) распространение таких вымыслов, как «красный империализм» и «красный милитаризм», «тождество фашизма и большевизма» и т. д.; б) утверждение, будто диктатура пролетариата является причиной войны или одной из ее причин; в) лицемерная позиция: «Мы за поддержку советов, но против коммунистов и Коминтерна»; г) пропагандирование пораженчества по отношению к советскому правительству под «левой» маской».

Основными излюбленными коньками дискредитации СССР и отсюда формулирования лозунгов войны против СССР или, в «лучшем случае», нейтралитета рабочих других стран в случае нападения на Союз являются — «перерождение» революции, «национальное угнетение» и «бонапартизм» Красной армии.

По первому вопросу особенно характерно выступление в печати Фридриха Адлера. Он написал в журнале Der Kampf (1929 г.) статью под названием «Что сделал бы Ленин сегодня для спасения русской революции». Эта статья должна выполнить второй заказ буржуазии (первый — добиться от масс населения оборонять страну) — *сделать Советский Союз ненавистным* в глазах масс (а для нейтралов — «безразличным»).

Как он это делает? Он прежде всего доказывает, что «для социалистических противников Ленина... сегодня ясно, что рабочее движение всего мира к 1929 г. значительно дальше шагнуло бы, если бы в России не была объявлена большевистская диктатура». Он дальше пытается доказать, что Ленин сегодня «имел бы мужество признать: великую цель, за которую мы в 1917 г. шли в бой, в настоящей кампании нам больше не достичь». Все это говорится для того, чтобы доказать рабочим, что СССР не стоит защиты, что рабочему незачем помогать СССР.

По свидетельству латвийской газеты « Дарбс ун Майзе» (Труд и хлеб) латвийская социал-демократическая пресса помогает буржуазии своей пропагандой, ведомой в трех направлениях: 1) надо отрицать и маскировать самую подготовку войны; 2) надо подготовить умы людей для войны, утверждая, что не СССР находится под угрозой, но что сам СССР готовится напасть на другие государства; 3) надо выставить СССР в таком свете, будто бы обязанностью «цивилизованного» человека является итти на войну против «варварской» советской власти.

Не отстают и пепеэсовцы. Лидер ППС Дашинский в 1928 г. выступал так: «Сила и независимость Польши — это первое условие развития польского социализма, который... первый начал

героическую борьбу с врагами независимости Польши».

Другой пепеэсовец говорил так: «Независимость Польши исторически тесно связана у нас с социализмом».

Уроки наиболее квалифицированных пропагандистских помощников буржуазии в деле идейной подготовки войны, вроде Каутского, особенно успешно усвоили *русские меньшевики*. Они принадлежат именно к этим более «тонко» и хитро делающим свое предательское дело.

Русские меньшевики играют за границей роль агентуры и консультантов буржуазии по «русскому вопросу». Они эту роль не плохо играют во всех общеполитических и экономических проблемах нашего строительства, в которых буржуазия ищет признаков близкой гибели, или, наоборот, опасного для нее укрепления СССР.

За последнее время, *в связи с обострением военной опасности,* меньшевики усилили свое внимание и на эту сторону. Все чаще «Социалистический сплетник» разбирает военные проблемы. Повидимому, усилился спрос со стороны буржуазии на этого рода информацию и обслуживание.

Особенного внимания заслуживает недавно опубликованная «*Платформа по национальному вопросу РСДРП*». Это—развернутая программа войны против пролетариата СССР. Услужливо, лакейски, не имея никакой базы для какой бы то ни

было работы *своими силами* (сколько их осталось — этих одиночек-интеллигентов?), меньшевики, как некое «бюро обслуживания», *изготовляют для западно-европейской буржуазии лозунги будущей войны.*

О чем говорит эта «платформа»? Общей исходной данной ее является «марксистская» (в кавычках) концепция Каутского. В России мол, нет диктатуры пролетариата, а есть диктатура кучки интеллигентов, есть бонапартизм. А потому не только не надо защищать этот строй, а наоборот, его надо разрушать во имя восстановления «демократических свобод» Февральской революции. Меньшевики говорят то же самое. Для них главный лозунг — «*общая борьба пролетариев всех наций Союза за демократическое преодоление большевистской диктатуры*».

Почему же им на 12-м году пролетарской революции понадобилась платформа по национальному вопросу? Потому, что меньшевики все больше и больше теряют надежду на успех борьбы под общеполитическими лозунгами — против *всего* строя Союза, окончательно теряют надежды на возможность разрыва союза пролетариата с крестьянством.

Сегодня, *меньшевики пытаются найти зацепки в национальном вопросе,* зная, что здесь, по этой линии в кулацкой верхушке и шовинистской части интеллигенции кое-чем поживиться можно.

Немудрено, если завтра они дадут платформу по религиозному и церковному вопросу, стремясь и здесь найти для себя какие-либо зацепки. В этом смысле русские меньшевики буквально ничем не отличаются от фашистов-пилсудчиков, которые тоже пытаются сейчас сманеврировать в национальной проблеме Польши тем, что всеми средствами привлекают на свою сторону кулацко-интеллигентскую верхушку, духовенство и мелкую буржуазию национальностей, вчера еще призных «внутренними врагами» — украинцев, белоруссов, евреев.

Какова же эта платформа? Ведь прямо сказать, что в СССР налицо угнетение национальностей, нельзя — никто не поверит. Вот почему сначала пара реверансов:

«4. РСДРП признает, что система регулирования межнациональных отношений, сложившихся в результате революции, идет навстречу как требованиям национального равноправия и национальной свободы, так и действительным потребностям революции и трудящихся классов всех наций Советского Союза. *Поскольку эта система нашла себе выражение в положениях конституции СССР, положения эти, в основных и существенных чертах своих, подлежат сохранению и развитию в будущем*».

Таким образом, *для обмана* меньшевики *на словах* признают существующую национальную

политику компартии и расписываются под конституцией СССР. Да иного исхода у них и нет. Эта конституция сильна не своими словами, а тем, что она запечатлена в сознании миллионных масс свободных наций — вчерашних рабов царского режима и буржуазной власти февральской революции.

Но тут идет ряд «*но*». Эти «но» не оригинальны. Они идут по тропе, протоптанной Милюковым: «Мы за советы, но без большевиков». И меньшевики—за нашу конституцию, в том числе и по национальному вопросу, но без «большевиков», т. е. без диктатуры пролетариата.

«Но, пишут меньшевики в своей платформе, как общие положения советской конституции, провозглашающие защиту прав и интересов трудящихся, так, в частности, и положения ее, гарантирующие национальное самоопределение и самоуправление, превращаются не только недостатками, присущими самой советской системе, но еще гораздо больше режимом партийной монополии и террористической диктатуры в фикцию и даже в собственную противоположность, становясь из орудия национального освобождения и примирения орудием разъединения наций и их общего бесправия перед лицом всевластного центрального правительства.

Вот каким «маневром» меньшевики пытаются обойти тяжелый и убийственный для них факт ре-

волюционного и единственно правильного решения, в духе учения Маркса, национального вопроса при пролетарской диктатуре, что нашло свое полное отражение в нашей конституции.

С кислой миной признавая достоинство ленинской национальной политики и тут же облив ее клеветой и грязью, меньшевики спешат к «положительной» части своей платформы — к *ее программе действий*. Надо как следует понять и запомнить эту программу. *Мы с ней встретимся в будущей войне*. Ибо то, что сейчас меньшевики «невинно» оглашают, как «платформу по национальному вопросу», есть фактически *существенная часть генерального плана политической борьбы против нас в будущей войне*. И не только план меньшевиков. Этим планом безусловно будут пользоваться все нападающие на нас силы и страны.

Зачем выступать Кутеповым, пьяницам Кириллам, Шульгиным с малорентабельными лозунгами восстановления буржуазного режима, помещичьей и капиталистической собственности, если им можно, прикрыв «Соцвестником» невольную улыбку заговорщика, говорить «почти по марксистски», выставляя себя освободителем угнетенных наций!

Первый пункт программы действия гласит, что «РСДРП исходит из признания полной независимости и государственного суверенитета вновь образованных государств *в их современных гра-*

ницах (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша) и борется против всякого посягательства на их самостоятельное существование, как и против всех попыток насильственного отторжения от них вошедших в их состав частей» и т. д.

Разве не ясно, о чем идет речь? Имеется в виду *СССР*, которому «тонко» приписываются стремления оттормнуть, захватить, задушить и пр. эти вновь образованные государства. Вот вам лозунг № 1 для всех этих стран, когда Англия и другие господа пошлют их на нас: «Мы воюем ради нашей национальной независимости, скажут они, ибо большевики хотят нас задушить». Так русские меньшевики благословляют и окропляют «социалистической» святой водой готовящееся на нас, под руководством «великих держав», нападение.

Курьезно тут то, что этот пункт *окончательно и целиком благословляет захват Польшей у Литвы Виленщины, полностью приветствует угнетение той же Польшей Западной Украины и Белоруссии и обходит гробовым молчанием захват Румынией Бессарабии.* Ибо меньшевики за «суверенитет» этих государств «*в их современных границах*».

Но этого мало! Меньшевики, снабдив буржуазию «вновь образованных государств» политическими лозунгами нападения на нас, идут дальше. На случай усиления и успешности контрреволюционной деятельности кулацко-интеллигентских

шовинистических групп, которых меньшевики вкупе с белогвардейцами всех мастей кормят и поддерживают извне, надо вооружить и это «движение».

Второй пункт программы поэтому гласит: «РСДРП отстаивает право всех национальностей, входящих в состав СССР, на свободное демократическое самоопределение — в формах автономии, федерации и вплоть до независимого государственного существования и т. д. Всякое насильственное подавление национального самоопределения, основанного на демократическом волеизъявлении самих народных масс, под каким бы предлогом это подавление ни совершалось, РСДРП самым решительным образом отвергает и будет противодействовать ему всеми доступными ей средствами».

Вот вам лозунг № 2 — для «внутреннего употребления». Ведь оперируя этим лозунгом, можно и недавние вторжения басмаческих банд в Таджикистан оправдать! Иди, доказывай, что это не «волеизъявление народных масс». Этот лозунг особенно нужен петлюровцам для «оправдания» своих вторжений в УССР (к чему они усиленно и готовятся).

Опять, как видите, *услужливые меньшевики дают хорошую маскировку для прикрытия истинных целей изгнанной украинской буржуазии.*

И, наконец, главный «козырь» меньшевистского арсенала — *грузинский вопрос*. Тут меньшевики обслуживают главного своего хозяина. Того хозяина, который пахнет нефтью — *Англию*. Чтобы оправдать стремление Англии (а в случае войны — и весьма возможные реальные шаги) к захвату Кавказа с его нефтью, меньшевики вытаскивают затасканный лозунг № 3 — лозунг освобождения Грузии от захватчиков-большевиков. «РСДРП требует увода армии, оккупирующей Грузию, и предоставления этой стране возможности действительного свободного демократического самоопределения».

Таким образом, *эти три лозунга обслуживают всех потребителей:* империалистов крупного масштаба, их верных слуг — помельче мощною — буржуазию лимитрофов; наконец, изгнанную пролетариатом и трудящимися СССР русскую, украинскую и грузинскую буржуазию.

Мы выше подчеркивали важность усвоения всеми той *новой линии,* которая определяет сейчас политическую подготовку буржуазии к будущей войне. На примере разобранной «платформы» меньшевиков эта линия выступает особенно наглядно: в архив сданы устаревшие методы Деникиных и Колчаков, с их откровенно-монархической реставрационной программой. Вместо нее — «социалистическая оболочка», прикрывающая истинные цели буржуазии.

Буржуазия, в том числе и русская, уже не мечтает о въезде в Москву на белом коне под звон колоколов. Это сдано в кунсткамеру. Все их *расчеты теперь строятся на розовато-желтом флаге меньшевиков, на котором они, как на ковре-самолете, мечтают прилететь в Москву.* «Блажен, кто верует».

В этом же духе действуют и троцкисты. «Термидор», «перерождение»—это все те «словечки», о которых мечтают Ласвели, Стюарты, Фуллеры. «Спецы» по русским и вообще «революционным» делам — меньшевики и троцкисты всех мастей и стран фабрикуют эти лозунги; буржуазная пропаганда «оформляет» их в печати, кино, подпольной литературе.

Есть еще один излюбленный метод — это охаивание, *очернение Красной армии,* изображение ее орудием милитаризма, бонапартизма и т. д., и т. д.

В этом деле также имеется свой специалист— П. Гарви (немецкий социал-демократ).

Этот самый «специалист» задался целью доказать, что *главная военная опасность* растет на востоке — в СССР. Поэтому и его мерзкая книжка названа «Красный империализм». Что он и вместе с ним вся социал-демократия пытаются доказать? Они доказывают, что как империализм в буржуазных странах выращивает опасность новых войн, так новый, красный империализм, «прикрытый флагом большевизма», создает предпосылки для

новой войны. Даже больше: ведь по-социалистически империализм настоящий («законный» и «полезный для исторического развития социализма») создает угрозу войны в колониях (а это социал-демократов мало беспокоит — чего там волноваться, ежели перебьют каких-то китайцев или индусов), а вот «красный империализм» — самый опасный, он утрожает войной демократическому раю в Польше, Латвии, Германии, Англии и прочих «беспятиминутных» социалистических... империях и королевствах.

Главную опасность для мира представляет, по мнению Гарви, Красная армия, которая только и думает, как бы начать войну, и вообще весь «русский народ», который милитаризован и т. д.

Социал-демократам мало доказывать, что рабочий класс буржуазных стран должен «защищать», т. е. драться за интересы своих господ, они теперь берутся доказывать, что рабочий класс единственной страны пролетарской диктатуры не имеет права подготавливать действительно оборону против империалистов.

И социал-демократы не могут не доказывать этого. *Таков закон господина Империализма:* надо разрушить и не допустить, чтобы рабочие буржуазных стран помогали и защищали Советский Союз; больше того — надо подготовить почву на случай, если рабочих той или иной страны пошлют драться с СССР.

Вот почему все громче, чаще, грязнее и подлее слышна клевета на СССР, на пролетарскую диктатуру, на Красную армию, на коммунистическую партию. И эту грязную работу наиболее усердно выполняют те же социал-демократы всех толков — от пепеэсовцев «лордов-рабочих» до троцкистов и «ультра-левых».

Социал-демократы лучшие, самые способные и самые полезные в современной обстановке пропагандисты буржуазии. Они же стремятся стать помощниками буржуазии и *в организационной подготовке войны* (вспомните Цергибеля, участие в фашистском «строительстве», желание ближе участвовать в строительстве армии и т. д.). Правые — откровеннее, левые — для маскировки туманнее и фразистее.

На все это *у рабочего класса может быть один ответ:*

Проведение ленинской тактики в вопросе о войне — классовая борьба и свержение капитализма, как единственное средство «уничтожения» войны: широкая и длительная *разоблачительная кампания против империалистской политики социал-демократии,* в какой бы оболочке она ни выступала — откровенной или прикрытой «пацифистской» фразой;

широкое *разоблачение подготовки войны;*

подготовка себя к защите СССР и превращению империалистской войны в войну гражданскую, в революцию.

Осуществление этих задач требует прежде всего *снятия покровов со всей механики обмана масс,* идейного плена их буржуазией и социал-демократами. Надо прежде всего освободить сознание рабочего класса от предрассудков *«национального единства»,* «защиты родины» и ее чести и т. д. На этих предрассудках играет социал-демократия. Эти предрассудки — главные гири на ногах рабочего класса.

Надо помнить слова В. И. Ленина[1]:

«Надо объяснить, в особенности, значение того обстоятельства, что «защита отечества» становится неизбежным вопросом, который громадное большинство трудящихся будет неизбежно решать в пользу буржуазии...

Может быть главным средством привлечения масс к войне являются именно те софизмы, которыми буржуазная пресса оперирует и самым важным обстоятельством, объясняющим наше бессилие против войны, является то, что мы либо этих софизмов не разбираем заранее, либо, еще больше, отделываемся по отношению к ним

---

[1] В. И. Ленин, Заметки по вопросу о задачах нашей делегации, в Гааге, том XX, ч. II.

дешевой, хвастливой и совершенно пустой фразой, что мы войны не допустим и т. п.».

Революционной обязанностью каждого коммуниста и рабочего является энергичное и смелое *разоблачение* этих «софизмов», лживой пропаганды и всей механики политического одурачивания рабочих масс буржуазией и их помощниками—социал-демократами.

Это является одной из основных гарантий революционных побед рабочего класса в будущей империалистической войне.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

Глава I. Политическая борьба как средство войны

Тысяча девятьсот четырнадцатый 11
Как шла подготовка к мировой войне . . 14
Размах войны превзошел все ожидания . 17
Пропаганда — организация — принуждение 25
Конкретные цели политической борьбы во время войны 29

Глава II. Буржуазная пропаганда в будущей войне

Буржуазные пропагандисты о коммунистическом просвещении 36
Буржуазные пропагандисты о своей пропаганде 41
Опыт империалистской и гражданской войн 44
Новое в буржуазной пропаганде 47
Основной лозунг буржуазии—„оборона отечества“ 60
Методика буржуазной пропаганды 69
Организация пропаганды 75
Орудия и техника пропаганды 86

Стр.

Глава III. Организационно-политическая подготовка к войне

Задачи организационной работы 91
О какой армии „мечтает“ буржуазия . . 93
Какую армию буржуазия фактически строит 97
Военное значение фашистских организаций 100
Регулирование качественного состава армии 106
И еще многие другие организационные меры 113

Глава IV. Участие социал-демократии в подготовке будущей войны

Лиха беда начало 122
„Природа“ войны в понимании социал-демократов 130
„Оборона отечества“ и социал-демократия. 135
Лозунги войны против СССР фабрикуют „социалисты“ 154

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

БЛУМЕНТАЛЬ Ф. Буржуазная политработа в мировую войну 1914—1918 гг.

Обработка общественного мнения. Стр. 168, ц. 1 р. 25 к.

ЛАСВЕЛЬ. Техника пропаганды в мировой войне.

Сокращ. перев. с англ. в обработке С. Потапова с предисловием М. Гуса. Стр. 200, ц 1 р. 25 к.

СТЮАРТ К. Тайны дома Крю.

Английская пропаганда в мировую войну 1914—1918 гг. Перевод с англ. Под ред. Ф. Блументаля. Стр. 124, ц. 1 р.

БЕРНС Э. Английский империализм в Египте.

Перевод с англ. В. Житомирского. Стр. 80, ц. 30 к.

НОТОВИЧ Ф. Разоружение империалистов, Лига наций и СССР.

Стр. 90, ц. 1 р. 50 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата РСФСР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ДАШИНЬСКИЙ С. и Ян РАДОПОЛЬСКИЙ. Подготовка войны против СССР
Стр. 204/9 прилож., ц. 1 р. 50 к.

ДАШИНЬСКИЙ С. Британский империализм и антисоветский фронт.
Стр. 112, ц. 65 к.

ЛЕКЛЕР Жан. Франция в антисоветском блоке.
Стр. 63, ц. 35.

КАРУС Г. Прибалтийские страны и подготовка антисоветской войны.
Стр. 62, ц. 40.

РОДОПОЛЬСКИЙ Ян. Польша готовится к войне.
Стр. 112, ц. 60 к.

ТВЕРДИК Богумир. Чехо-Словакия в системе окружения СССР.
Стр. 54, ц. 25 к.

ПЕРМСКИЙ М. Будущая война и оборона СССР.
Стр. 110, ц. 70 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата РСФСР